

▪ РОМАН БАРАБАШ

▪ ВСАДНИК
▪ НА БЕЛОМ
▪ К О Н Е

▪ Сухум – 2012

ББК 84 (2Рос. 5Абх)6–5я4

Б 24

Роман Барабаш. Всадник на белом коне. Стихи.
Сухум, 2012 - 244 стр.

*Книга издана при содействии Представительства
Федерального агентства «Россотрудничества» в Абхазии.*

©Роман Барабаш, 2012

ОБ АВТОРЕ

Роман Иосифович Барабаш родился в г. Сухум в 1969 г. Окончил Абхазский государственный университет по специальности «Русский язык и литература». В настоящее время преподает в АГУ и работает над диссертацией «Идея теургии в творчестве А. Белого и Вяч. Иванова».

Роман Барабаш впервые заявил о себе в качестве автора выходом в свет в Москве трехтомной лиро-теургической эпопеи «Колокол Имяславия». Появление этого масштабного, не боюсь этого слова, творения вызвало горячий отклик в писательской среде Москвы. На презентации, состоявшейся в ноябре 2009 года, собрались видные литераторы, художники и писатели Москвы. Вечер открыл писатель, глава издательства «Вест-Консалтинг» Евгений Степанов, который назвал «Колокол имяславия» монументальным полотном, а самого автора ярким явлением в современной русской литературе.

Присутствующие в один голос говорили о том, что таланта подобного уровня не было со времен Пастернака, восхищались эпическим размахом творения, интеллектуальным багажом, а главное, кристально-чистым и одновременно величественно-торжественным, словно колокольный набат, слогом, созвучным общему ладу русской поэзии. Удивлялись внезапности появления уже полностью сформировавшегося писателя на литературной арене (автор не публиковался ни в журналах, ни в ежемесячных альманахах, печатающих литературные новинки.) В тот же вечер за вклад в современную литературу и поэзию Барабаш был удостоен медали Грибоедова. А в 2011 году вошел в Союз писателей XXI века.

Сборник «Всадник на белом коне» лишь небольшая часть творческого багажа Романа Барабаша. Даже «Колокол имяславия» (лиро-теургическая эпопея в трех томах), состоящая из 27 книг и 790 страниц, также является лишь избранным из

полного объема этой книги. Помимо завершенных и изданных работ, выхода в свет ждет недавно завершённый роман в стихах «Одиссея Солнца». На данный момент автор пробует себя в прозе, работая над романом-эпопеей.

В данный сборник вошли стихотворения, объединённые одной общей темой – темой Родины. А их у автора оказалось две – Россия и Абхазия. Объяснить это легко. В силу того, что Барабаш воспитан на русской литературе, культуре и философии, духовной родиной для него является Россия. А взрастила поэта земля Апсны, поэтому исторической родиной для него является Абхазия. Вот почему этот сборник разделен на две части: стихи о России и стихи об Абхазии.

Проникаясь мыслями о значении России для Барабаша, трудно ставить условно-временные рамки. В этом смысле важно уловить момент рождения русского духа для автора. Концепция автора об исторической роли России в жизни народов созвучна концепции основных религиозных философов XIX века: Достоевского, Вл. Соловьева, Бердяева, Булгакова.

Осуществление своей главной задачи – единения человечества, посредством единой веры Достоевский видел только через выполнение всемирно-исторической миссии России, в проявлении ею своей истинной, еще не проявленной сущности. Достоевский верил в русский народ, считал его избранным народом Божиим, но избранным не для господства и первенства над ними, а для осуществления в союзе с ними истинного всечеловечества.

Также Достоевский утверждал, что русский народ в глубине души носит образ Христов и когда придет время, покажет въявь всем народам, привлечет их к нему и вместе с ними исполнит эту вселенскую задачу. А задача эта состоит в том, чтобы сказать миру новое слово и объединить, примирить вечных антагонистов – восток и запад. По поводу этого вопроса В. Соловьев писал: «[...] Надо найти для России новое нравственное положение, избавить ее от необходимости продолжить противохристианскую борьбу Востока и Запада и возложить на нее нравственно послужить и Востоку и Западу, примиряя в себе обоих». В ряде стихотворений и поэм Бара-

баша даются подтверждения созвучности вышеприведенных идей. Например, в стихотворении «Россия» автором возлагается надежда на мощный объединяющий импульс, исходящий от русского Духа.

Дано тебе, как встарь, Росси
Быть меж народами мостом.
Надежда на обновленную религиозную Весть:
Ты, Россия, под знаменем Сына
Будешь петь светозарную быль.
Уверенность в особую миссию России:
Ведь ты носишь о, Русь сумасбродная,
В чреве огненном Божье Дитя.

Также определенная подсказка вышеизложенных идей заключена в поэме «Русское Солнце», где описываются хорошо нам известные ключевые события русской истории, осмысленные автором в метаисторическом ключе. С одной стороны, в художественном пространстве этой поэмы мы имеем историческое время и хорошо нам известные события русской истории, а, с другой, именно солярный образ России возносит нас в те доисторические выси, когда зарождалось Солнце Правды. Становится ясно, что точка отчета России как таинственной сущности полностью совпадает с рождением этого Солнца. Получается, что постижение души России дает нам ключ к постижению идеи всеединства. Недаром Россия, находясь в центре мира, между восточной и западной цивилизациями вынуждена сглаживать острые углы исторических противоречий. Поэтому подвергаемая сложнейшим испытаниям, раздираемая на части, оклеветанная, разбитая, она все равно не изменяет своей сущности в поиске истины:

Баталий старых взвился рок:
Рвут землю немцы, турки, ляхи,
От крови заалели плахи,
И мятежей бурлит поток.
Разбойник слева есть Восток,

Разбойник справа – Запад сродный.
Он молвит едко: «Сын Господний,
Спаси Себя, коль Ты – пророк!»

Россия не откликается на ложный зов и как бы обязуется перед лицом всего мира дать верную вежу к восхождению всем современным цивилизациям. Огромную миссионерскую задачу несет в себе и русский язык. В стихотворении «Договор» Творец отвечает России:

Люблю тебя, держава света,
Россия, родина Огня.
Язык твой – кузня для поэта,
Вновь слово-меч зовет Меня.

Также эта мысль красной нитью проводится в стихотворении «Народ-Богоносец»:

Живи и верь в родной язык, народ,
Язык твой – оправданье перед Богом.
В нем рос кристалл Христа из года в год
Священным историческим итогом.
О, русский слог, ты – всеединства плод.

Автор свято верит в магическую силу слова, великую тайну каждого языка. С другой стороны, язык зашифрован, в нем кроится загадка Истории, судьба народа. Поэтому разгадывать, расколдовывать язык одна из главных миссий поэта-вестника:

Одна осталась в дольном мире вежа,
Вчитаться тонко, вдуматься в язык.
Он – сила эха, грозowego смеха,
Что сочетает с краткой песней крик.

Кроме того, Барабаш в своем творчестве ведет мысленный диалог с самыми выдающимися чудесниками слова и звука

России. Этой теме посвящена отдельная книга в эпопее «Колокол Имяславия». Автор вступает в мысленный диалог со Скрябиным, Андреем Белым, Александром Блоком, Николаем Рерихом, Владимиром Соловьевым, Пушкиным, Есениным, Рильке. Всех этих авторов объединяет тяготение к синтезу и духовному возрождению нации. Большая часть из названных деятелей искусства стояли у истоков теургической эстетики, которая являет собой принципиально новый тип творчества. Суть теургического творчества сводится к творению нового мира, в центре которого находится во всей своей красоте и величии Солнце всеединства. Несомненно, Роман Барабаш своим творчеством внес большую лепту в становление заложенной еще в древности, теургической литературы.

Вторая часть сборника содержит стихи об Абхазии, куда вошли самые яркие на взгляд автора его творения о родной земле. Из многих стихотворений, посвященных Абхазии, явствует трепетное, глубокое преклонение автора перед тайной Апсны. Поэт чувствует, что Страна Души стоит у истоков человеческой истории, уходит в потаенные пласты метаисторических времен:

На той земле, где рос Адам,
Где Ева песню света пела,
Где лег на Божье слово храм.

Задав вопрос автору, какое место занимает в его творчестве и жизни Абхазия, он ответил: «Если России я благодарен за приобщение к языковой стихии, которая стала ключом для постижения сущности жизни, то абхазской земле я обязан за столь драгоценную для меня пору ученичества, когда посредством ощущения первозданной музыки жизни формируется диалог с Природой, с Космосом, с Единым источником бытия. Через Абхазию я проник в ритмику вещей, научился слушать музыку сфер. Как музыка предвосхищает слово, так аура родной земли предвосхитила формирование моего авторского голоса».

Заряжает автора творческой энергией не только родная природа, но и абхазская мифология – кладезь символических

подтекстов. Например, в главном мифе о даровании Апсны наиболее отчетливо прослеживается первозданный Завет, Диалог Всевышнего с человеком. Автор убежден, что Завет Бога и человечества прошел прежде всего через абхазский этнос, если иметь в виду еще доисторические пласты времени. Здесь, по мнению автора, жил когда-то первый человек Адам. Именно поэтому в стихотворении «Договор» в переключке народов Абхазии отдается первое слово:

АПСНЫ

Не тщетно ль, Сущий, уа рада,
Страной Души назвав меня,
Явил ты истинной наградой
Жрецам Аныхи путь Огня.
Был край мой горних сил усладой,
Твой зов, Твой жезл, Твой свет храня.
Теперь мой рок – тропой абрека
Брести по золам злого века.

ТВОРЕЦ

Люблю тебя, Мой первый колос,
Страна Души, Страна Добра.
До Ноя зрел спасенья голос,
Пророчеств разрослась гора.
Хоть чаша братства раскололась,
Войной кавказскою горя,
Вновь нарт Сасрыква явит слово
Моей заветною основой.

Особое внимание автор уделяет образу нарта Сасрыквы, который для него не просто герой, совершающий самые смелые поступки, а та преобразовательная сила, из которого должна произрасти истина. Недаром он – сотый сын, тогда как СТО – это число Абсолюта, занимающее в символической нумерологии автора особое место. Кроме того, Сасрыква явился на свет из мертвого камня, доказав тем самым, что своим рождением закликает смерть:

Сотый сын, изначальная мера,
Где ты, Ад, черной смерти химера.

Также Сасрыква – вечный спаситель братьев, их оплот и гарант единства. Он не просто герой. В глазах автора Сасрыква – миссионер, принесший определенную весть – весть прославления Матери СТА:

И согревшись в ладонях чудесных,
Сатаней камень жизни небесной
Стал земным отраженьем Творец.
И восславил Сасрыква кристальный
Славной матери образ зеркальный.

В творчестве Барабаша нашла свое место тема Отечественной войны 1992–1993 годов в Абхазии. Формирование его как лирика пришлось именно на это тяжелое время, что отложило свой отпечаток на его мировоззрении. Автор без прикрас показывает все ужасы военного времени:

Рыщут снаряды, как волки,
В воздухе знойной зимы,
Сея на крышах осколки
Пальцами солнечной тьмы.

Дикая сила металла
Пот выжимает с плиты...
Там посреди перевала
В небо взметнулись пути...

Лопнула с болью гитара,
Выронив песню в глуши:
«Верю в бессмертие дара,
Верю в бессмертье души!»

В стихотворении «Жало смерти» автор рассказывает о смерти близкого товарища:

О проба тьмы! У гроба мать... но оба там мертвы:
Ее убила весть, его – снаряд врага.
Он к Солнцу шел по нитям снов и пал в ночи... Увы!
Покрылись шрамами речные берега.

В стихотворении «Морская молитва» автор самозабвенно, как сын, обращается к высшей силе с молитвой о спасении Апсны:

Владычица, испив мелодий мед,
Обрел я вдруг молитвенное слово.
Прошу не за себя... Апсны народ
Волна смятенья поглотить готова.
[...]
Я знаю ты не выдашь этот край
На откуп снова разъяренным сворам.

А в другом стихотворении автор признается в любви разбитой, опустошенной, но освобожденной отчизне:

Не устаю тебя любить,
Страна Души, оазис Бога.
Все принимаю, трудный быт,
Вид площадей, больных, убогих.
Трущобы, сирые дома
Без крыш и без дверей железных...

Но в целом поэзию о военном лихолетье пронизывает жизнеутверждающий пафос. Доказательством этой мысли может служить стихотворение «Город, встречающий рассвет». Первая часть этого произведения проникнута горечью потерь и окрашена в тревожные мрачные настроения:

Древний город, изрытый войной,
Как пробитая пикой броня,
Вдруг покрылся кровавою мглой.
[...]

Здесь ни зги... Розги лавровых веток
Вьются медленно в лунную даль.
Даже звезды как будто б из клеток,
Излучают ночную печаль.

А вторая часть противоположно первой излучает энергию спокойствия и грядущих светлых перемен:

Возвращаюсь домой
По опавшей листве.
Солнце борется с тьмой,
Капли рос на траве.
Занялась вдруг заря
В свете нового дня,
Птицей жизни паря
В оперенье огня.
До свиданья, луна.
Ночь-подруга, прощай.
Отшумела война.
Пробудился мой край.
Здравствуй, Солнца восход,
Гений белой нови.
Твой затворник-народ
Стал пророком любви.

Родная земля выстояла, победила в схватке с роковыми силами и вновь обрела свою весну.

Война отшумела, страна возродилась и осталось лишь вечное, непреходящее... Свою любовь к родной земле, свою признательность за приобщение к таинству жизни и Истории автор выражает своими стихами, собранными в книге «Всадник на белом коне».

Шония Е.В.

П Р О Л О Г

ПОЭТ И ДЕРЖАВА

1

Не заглушай мой плач, Россия,
Не омрачай мой звонкий смех.
Я знаю, это от бессилья
В вине ты топишь буйства грех.
Мне нищета твоя – богатство.
Разгул твой – праведная боль.
Я знаю, не предашь ты братство,
Оплотом став народных волей.
Гонимая – найдешь дорогу.
Разбитая – излечишь страх.
Молитвы пламень к Сыну-Богу
Зардеет розой на устах.
Но если в пляс пойдешь, как прежде,
Круша дорожные столбы,
Зачахнуть ли моей надежде,
Сложу ли руки без борьбы?
Тебе поручена свобода,
Как песнь воскресная любви.
Народ твой шел в чаду разброда
По углям роковой нови.
И подменялся жребий правый

Игрой в кровавый произвол.
 Под мантией тлетворной славы
 Дрожал накрененный престол.
 Но солнечной свободы гений
 Вновь ускользал из цепких рук.
 Во мраке знойных потрясений
 Порочный замыкался круг.
 И ныне шаткою походкой
 Бредешь средь рытвин и берлог.

Рассудок заливая водкой,
 Рычишь: «Распят Ты, ярый Бог!»
 Я знаю, что ценою жизни
 Тебе раскрою вновь глаза.
 Вдруг стану громом над отчизной,
 Чтоб в небе выросла гроза.

2

Быть может утешенье рядом, –
 Ответил мне народный свет, –
 Но только ты словес усладой
 Не дай размякнуть мне, поэт.
 Мне песен мерные припевы
 Не умиляют ныне слух.
 Запуталась коса средь плевел.
 Скатился в бездну сна пастух.
 На паутине раскачавшись,
 Цепляюсь за кометный шлейф.
 Из лунной полуночной чаши
 Бросаю оземь слов посев.
 Что вырастет из почвы дикой,
 Давно заброшенной, сухой?

На шатуна с одною пикой
 Лихой охотник лезет в бой.
 Но я ценю азарта пламень,
 Хоть и сулящий мне провал.
 Иль лопнет под железом камень,
 Иль заиграет, как кристалл.
 Итак, дерзай, посланник вещей,
 Коль порох творчества припас.
 Коль путь твой изумрудом блещет,
 Из бездны вызволишь ты нас.
 Дерзай! Лишь подвиг восхожденья
 Спасет народ в овражной тьме.
 В просторах талых наваждений
 Недолго праздновать зиме.
 Коль смог ты пробужденье дело
 Развить и души всколыхнуть,
 Твоя поэзия поспела,
 Пospel высокой вести путь.

ИЗ КНИГИ «РУСЬ ЗЛАТОГЛАВАЯ»

НИТЬ ЕДИНСТВА

Беру аккорд преображенья
Тлетворным будням вопреки...
За тридцать земель хождение
Вдоль Леты, пасмурной реки, –
Людской удел, вопросов жженье.

Скольженье в омуте войны –
Необратимое брожение,
Чтоб сбросить, снять ярмо вины
И ложь, и жизни разложение.

Что мне осталось? Петь простор,
Свободный от ночного плена,
Идя по шапкам снежных гор,
Воскликнуть: выжжен корень тлена!

Во мне вселенная живет,
Творя созвездий анфилады
И восхищает взор полет
В ночи сквозь лунные преграды.

Что мне осталось? Нити вить
Тугих мостов от мира к миру...
Но не витийствовать, а быть
Открытым вещему эфиру.
В моих руках – единства нить!

ИСЦЕЛЕНИЕ ЗЕМЛИ

Исцеленье Земли,
Избавленье от старых увечий –
Это тихая песня вдали,
А вблизи – это крик человеческий.
Прогорели угли

Оголтелых безумных сражений.
Куликовская степь
Помнит вихри неистовых жжений.
Дух народный окреп.

Силы горного света взрастили
Грозным будням вразрез
Прозорливую душу России...
«Вседержитель воскрес,

Водружая свой стяг на Кавказе!» –
Разгорелась вдруг весть.
«Что такое? Возможно ли? Разве?
Доказательства есть?» –

Зарычали, помчались вопросы,
Будоража простор.
Но вопросов трескучую россыпь
Заглушили вдоль гор
Новой расы глашатаи, россы.

В МУЗЕЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО

Москва. Арбат. Музей Андрея.
 ДУХ МАТЕРИ и дух гонца
 Средь комнат неприметно рея,
 Пропели мне: «Ты – луч Лица.
 Твой зов – ночная орхидея!»

Портрет Морозовой. Рояль,
 Творящий все аккорды мира.
 Но здесь нельзя мне петь – а жаль –
 Молчит расстроенная лира.

Никто здесь не поймет тебя,
 Мой друг, твоей души заветы.
 Ночную тишь, простор любя,
 Плывут кометами поэты.

Но в этой звездной тишине
 Друзья готовы к перекличке
 И жмут в эфирном полусне
 Друг другу руки по привычке.

Зачем мне запись в дневнике:
 Встречался, мол, с Андреем Белым.
 Не плыл, а шел ты по реке
 Со стражем смерти огрубелым,
 Мерцая песней вдалеке.

ВЕСТНИК В СТОЛИЦЕ

Хотя б на миг остановись, Москва,
 И красный свет пролей на автострады.
 Ревет метро горячим горлом льва,
 Вдыхая в адской тьме земные яды.
 И сохнет, сохнет вдоль дорог трава.

Я буду говорить! Локомотивы
 Моих стихов издали вновь гудки.
 О всеединстве вечные мотивы –
 Пророческой поэзии ростки.

Остановить разрозненное время –
 Не в этом ли исконной меры суть?
 Дано мне сбросить разобщений бремя
 И души к Солнцу веры повернуть.

Есть точка как исконная опора,
 Лежащая в основе полноты...
 И в самом центре, в глубине простора
 Она скрепляет вечности мосты.

И отражение этой точки главной
 Предстало в ИМЕНИ, в ЖИВОМ ЧИСЛЕ.
 И стала песня веры силой явной,
 Горящим Символом в подлунной мгле.
 Расчищен путь декадой Вести славной.

НАРОД-БОГОНОСЕЦ

Живи и верь в родной язык, народ...
 Язык твой – оправданье перед Богом.
 В нем рос кристалл Христа из года в год
 Священным историческим итогом.
 О, русский слог, ты – всеединства плод.

Ты – Символа кузнец богоподобный,
 Перековавший звуки в громкий рог,
 Да так, что содрогнулся мир загробный
 И видеть стал иных времен пролог.

Вещай! Над тьмой немой вращай свой молот,
 Созвучья превращая в вещий гром!
 Не правда, что язык твой слишком молод.
 Он вечен, он рожден до звезд Творцом!

Одна осталась в дольном мире веха:
 Вчитаться тонко, вдуматься в язык.
 Он – сила эха, грозowego смеха,
 Что сочетает с кроткой песней крик.

И ныне развернулась Книга веры,
 Способная изжить душевный страх
 И уличить древнейшие химеры,
 Что затаились в сумрачных сердцах.
 Прозрело СЛОВО оком мудрой меры.

ПЕРЕД ПАМЯТНИКОМ ДОСТОЕВСКОМУ

(у библиотеки им. Ленина)

Зачем прогнулся образ странный,
 Одетый скульптором в гранит?
 Он словно в грудь кинжалом ранен
 Иль пулей вражеской подбит.
 Постойте же, смеяться рано...

Здесь Достоевский, вещий брат
 Живет по чьей-то праздной воле.
 Пусть в три погибели он сжат
 И согнут будто бы от боли.

Но в этой позе есть черты
 Пророческой высокой меры.
 Погибнет мир без красоты,
 Без вдохновения, без веры.

Сместится с шумом ось Земли
 И треснет где-то в крестовине.
 Мы жизнь, увы, не сберегли.
 В распятыя Сына мы повинны.

Разбита бытия печать...
 Хлестнула плетью по Богу-Спасу.
 И слышит сумрачный Пилат,
 Взирая на людскую массу:
 «Христа распять! Христа распять!»

ПЕРЕД ПАМЯТНИКОМ ГОГОЛЮ

Иду. Кругом людской поток.
Никитинский бульвар. Дорожка...
Какой-то серый закуток...
Шагнул вперед... Еще немножко...
И вдруг прожег мне душу ток.

На пьедестале Гоголь строгий
Склонился к сердцу, тихо спит,
Как будто б думает в дороге
Под стук запыленных копыт.

И мчится, мчится птица-тройка,
В сознание закрутив вопрос:
Куда летит Россия бойко?
Оставлен позади Христос...

Так Гоголь думает и плачет,
Смотря на выцветший букет.
Хоть путь в один конец оплачен,
Что дальше? Кто же даст ответ?

Я вдруг поверил, что кумиры
К словам высоким не глухи...
И пожелал игрой на лире
В нём нежно пробудить стихи
И пел... и плыл сквозь былъ в эфире.

ИЗ КНИГИ «БЕССМЕРТИЕ». ТРАНСМИФЫ

РУССКОЕ СОЛНЦЕ

п о э м а

ПРОЛОГ

АРЕСТ СОЛОВЬЯ

Болью пронзенный
В мешке застонал Соловей:
Горе лозе, коль на корни
Ей сыплут угли.

Больно на углях стоять...
Падать всё же больней.
Кубарем глыбы
Лавины огня понесли.

Рухнула удаль
Разбойничья. Гибель пою!
С ярым Ильей
Я сошелся в жестоком бою.

Небо гневил я,
Не веря в Божественный суд.

Свистну, бывало,
И своды дрожат надо мной,

Воды вскипают,
Враждуют с горящей землей.
Мне же смешно...
Вновь с издевкою бью себя в грудь.

ИЛЬЯ

Эх, Соловей, Соловей,
Заунывные песни забудь!
Лучше взмолись,
Как умеешь... и баста на том.

Некогда мог вызывать
Ты губительный гром,
Людам в лесу
Преграждая единственный путь.

Ныне ты – сохлый родник.
Перестань причитать.
В Киеве скоро потешишь
Владимира рать.

СОЛОВЕЙ

Разве я кот,
Чтоб царапаться в пыльном мешке?
Буду молчать...
Напоследок же мне разреши,

Славный Илья,
Искупаться в холодной реке.
Смою пред смертью я пыль
С обнищавшей души.

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР

Ах, богатырь,
Благородных людей не смеди.
Ты говоришь,
Что злодея пленил и в руке

Держишь мешок,
А в мешке – Соловей. Нет в глуши
Диких чащоб западни,
Говоришь...

ИЛЬЯ

Вор в бурдюке.
Можно смело отныне ступать
Старой тропой.
Отбуянил поверженный тать.

Надо ль бояться врага?
Отвечаю: ничуть!
Разве, что бурый медведь,
Что идет напролом

Может угрозу сулить.
Да бывает, что гном
В черной чащобе
Наводит на путника жуть.

Но соловьиные трели,
Владыка, забудь.
Вор познакомился
Нынче с моей булавой.

Просит в мешке он
О милости еле живой,
Стелется хитро:
«А в чём всепрощения суть?»

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР

Любо мне слышать
Могучую песню твою,
Русский герой. Прикажи
В сей же миг Соловью

Свист свой излить,
Чтобы мы убедиться смогли
В правде твоей. Пусть он смерч
Пронесет вдоль степей,

Пусть он сорвет
Полумесяц с небесной петли,
Пусть он со свистом метнет
Молнию в змей.

ГЛАВА 1. ВИХРЕ(ВОЙ) СВИСТ СОЛОВЬЯ

Тот час же свистнул
Разбойник, дробя небосвод.
Русь молодую потряс
Нестерпимый удар.

Спину от боли прогнул
Пораженный народ.
Жар смертоносный
Посеяли стаи татар.

Долго долина гудела
И ела тела,
Долго плоды пожинала
Монгольского зла.

Саваном белым
Покрылись в ночи города.
Чуждый глагол прокусил
Вдруг славянский язык.

К вые московской пристал
Подъяремный ярлык.
Робою рабства
Покрылась в тумане звезда.

Духом Ильи преисполнился
Дмитрий тогда.
Бороды сбрило злодеям
Горячее жало клинка.

Треснуло знамя татар!
Так с морозом воюя, река
В щепки взрывает
Поверхность весеннего льда.

Снова свистит Соловей,
Реквием жуткий творя.
Умер Борис Годунов.
Одичала земля без царя.

Смутное время
Разбросанным княжествам мстит.
Пляшет разгульный поляк
И за ворот хватает Москву.

В сенях Литва
С обнаженной секирой сидит.
«Дмитрий воскрес!» – распускают
По шатким дорогам молву.

Снова свистит Соловей,
Превращаясь в слепую сову.
Катится время Петра.
Огнедышащий щит

Вновь преграждает
Дорогу литовскому льву.
Север России
От схваток кровавых трещит.

Строится русскими флот,
И вскипают от ядер моря.
Новая смута на Волге...
В оковах ведут бунтаря.

Рявкнул топор...
И скатилась с эфира звезда.
Зодчего новой столицы
К Европе простерлась рука.

Острые крыши дворцов
Вознеслись в облака.
Сонмы рабочих
Исчезли во тьме без следа.

Съела их сырость,
И хворь, и морская вода.
Снова свистит Соловей,
Надрывая дрожащий кадык.

Раненым львом Пугачев
Издаёт угрожающий рык.
Тысячи беглых крестьян,
Словно зубров стада,

Бьются с волками,
И смерти сверкает игла.
Снова на камень
Коса возмущенья нашла.

В сети попался вожак,
Черноглавый архар.
Сник и под корень
Скатился восстания плод.

Кровью растерзанных коз
Погасился пожар.
Волком завыл и издох
Одноглазый разброд.

ГЛАВА 2. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ СОЛОВЬЮ

Снова свистит Соловей,
Нагнетая ветрами туман.
Цыц, заводной Соловей,
Не дразни пробужденную Русь.

Цыц, разбитной Соловей.
Не сплетай златокрылый обман!
Пуще разбойник свистит...
И жестокий француз

С пушечным залпом
Влезает в Петрово окно.
«Ворон, бутылъ раскупорь! –
Выпросил крови вино

Золотой Соловей. –
На царей пусть ложится вина,
Жгучих смятений пятно.
Созываю на пир

Истых друзей,
Созидающих равенства мир!
Здравствуй, Республика,
Нового века княжна!»

Гению тьмы
Закивала охотно Война.
Рвутся французы в атаку
И пушки России едва

Им затрудняют дорогу.
Горит золотая Москва.
В дымное платье разрухи
Оделась неожиданно страна.

Стоптаны нивы.
Горят закрома и дома.
Сгинь! Разлетись, саранча!
Обнимает деревья зима,

Вновь пробуждая
От спячки колючий мороз.
Ну-ка, с бровей отдери, Бонапарт,
Окровавленный лед.

Страшно обузою быть.
Европейский обоз
Сбросил арбузом
С подъема тщеславия плод.

Снова свистит Соловей,
Сокрушая усталый народ.
Цыц, заводной Соловей,
Ошалел ты от едких угроз.

Цыц, разбитной Соловей,
Не мути голубой небосвод.
Мало смутьяну смертей,
Разрушений безумных и слез.

Вздогнули гордые горы Кавказа...
И снега чалма
В пропасть слетела с вершин...
И осклабилась тьма...

Глазом кровавым искрится
На стяге турецком луна.
Эй, казачок, не робей,
Вновь засучи рукава!

Косится в новой войне
Судеб солдатских трава.
Стал Соловей подпевать
Мусульманам: «Прозрела весна

Истины! Только исламу
Могучая правда дана.
Пусть подчинится Корану
Земля, славный эмир!

Хватит неверным
Дробить обескровленный мир!
Старою верой дремучая Русь
До сих пор пленена».

С саблей не ищут
Божественной веры руно.
Вылетел с треском
Захватчик в Петрово окно.

Снова свистит Соловей,
Разорвав свой картуз.
Крым англичанин бомбит,
Раскрутив ураган.

Ядрами берег крушит
Раздраженный француз.
Ногу на Черное море
Поставил султан.

ГЛАВА 3. УРАГАННЫЙ СВИСТ СОЛОВЬЯ

Снова свистит Соловей,
Добела накаляя восток.
В небо пускает фонтан
Возмущенья встревоженный кит.

Смерч кровожадной вражды
Уязвляет моржей-лежебок.
Белый медведь захмелевшую
Бурю крушений бранит.

В серой расщелине
Вдруг зарумянился краб.
В раненом море
Вскипела багряная хлябь,

Фугами битвы
Вздымая фугасный хорал.
Это японцы бушуют,
Тараня лазурь.

Небо, ярись!
И над взрывами брови нахмурь,
Солнцем надежды смири
Самурайский оскал!

Что с броненосцем Макарова?
Взбалмошным вихрем штурвал
Сорван из рук...
На mine погиб ад – мир – ал... Осьминог

Тоже в воронку попал,
Завращавшись в воде, как волчок.
«Пал Порт-Артур!!!» – над Россией
Тяжелый набат застонал.

Плачет белугой в ушанки
По душам усопших тайга.
«Долюшка-доля земная,
За, что так к родимым строга?»

«Хватит рабочих душить!» –
Наводнилась страна
Зовом марксизма,
В пустые глядя закрома.

Вновь «Марсельеза»
Воскресла, студентов пьяня.
Весть по устам прокатилась:
«Монархия – тьма!»

Свистом протяжным Разбойник
Сводит планету с ума...
Волчьего бунта
Вздымается снова волна.

«Истинно, истинно, – вождь
Возвещает, – царизма тюрьма
Рухнет сейчас же... Воспрянь,
Трудового народа семья!

Эй, поработай коса,
Покосившись совой на луга.
Видишь ли ты? Через ров
Саранча вдруг пустилась в бега. –

Аплодисменты оратор
С багровой трибуны сорвал,
Кепкой сильнее затряс
И воскликнул: «Развенчан подлог!

Молотом в колокол бейте!
Оплачен с лихвою оброк!
Бал самовластья разогнан,
Подавлены грозы опал!

Свет пролетарской души
Нам спасения путь указал!» –
«Верно! – с толпы донеслось. –
Мы – кудесники бурь!

Выбьем из книги законов
Буржуйскую дурь!
Славный «Декрет о земле» –
Первый бесценный кристалл!»

Кашляя, ворон,
Безумного века прораб,
Сел на пенек.
Даже ворон от буйства устал.

Беркут двуглавый
Над степью российской летит,
Рок обличая, взирает
С обидой на шумных сорок.

Глупый орел! Сквозь зенит
Он на Запад стрелою летит
В поисках счастья... и метит
Вцепиться светилу в висок.

ГЛАВА 4. ГРОЗОВОЙ СВИСТ СОЛОВЬЯ

Снова свистит Соловей,
Небывалую клича войну.
Снится Европе геенна,
Гиен оглушительный лай.

Просит союзник Россию:
«Вступись!» и шатает страну.
Крутит в тревоге усы
Озадаченный царь Николай.

Что же, солдат,
Ты гогочешь от гнева, как гусь?
Немцу устроим мы трепку,
Товарищ, не трусь!

Вздрогнули пушки
И землю кольнули в бока.
Всё! Не уйти!
На пути паутинном опять

Русский солдат.
Ах, на нивах чужих умирать
Трижды прискорбней,
Трижды острее в сердце тоска,

Словно назад
Здесь бегут вдоль оврагов века,
Словно с отдышкой
Здесь месяц танцует в ночи,

Словно иначе
Хрипят здесь на горе сычи.
Плачем родительским
В небе плывут облака.

Просит монарха народ:
«Возврати до зари
Русскую армию,
Царь Николай! Не дури!

Рык свой уйми!
Поубавь самовластия спесь!
Что ты с испугу хватаешь
Голодный народ за губу?

Вместо червонцев
Страдания крестьянские взвесь.
Можешь ли дряхлою волей
России возвысить судьбу?»

Снова свистит Соловей
Прогоняя ветра чрез трубу:
«Хлеб наш насущный отнимем
У скаредных пастырей днесь!

Встанем с зарей, пролетарии,
Все как один на борьбу.
Скажем прощальное слово
Эпохе сословных завес!»

Зов Соловья

Подхватили кругом бунтари:
«Если буржуйской ты крови,
Рассыпся, умри!

Выстрел «Авроры»

Подсек самодержцев века.
Барин кричит,
Соскочив с разогретой печи:

«Что там за шум?!

Не узнать крикуна без свечи...» –
«Барин! – гадюкой
Сорвался ответ с языка. –

Вижу с ружьем

У отверстых ворот батрака». –
«Значит, не странник,
А Богом отверженный тать.

Взять его... взять!!!»

Но подкошенным пал на кровать
Тучный помещик.
Отпели чрез день старика.

Месяц и тот прокричал,

Озираясь на Русь:
«Я за свободу свою
Тоже с солнцем сражусь!

Марс, – продолжал он, –

А ты – большевик, отвечай?
Служишь ты красному полдню
Иль белому сну?

Цель коммунизма одна –

Галактический рай.
Явим скорей
Планетарного братства весну!»

ГЛАВА 5. ОГНЕННЫЙ СВИСТ СОЛОВЬЯ

Снова свистит Соловей,
Раскачав вдоль обрыва дубы.
Ратью жестокой в июньской
Ночи зажужжали ветра.

Вздогнули своды небес
В полусне от подлунной пальбы.
Вспомнила песню мольбы
Всенародного духа гора.

Цыц, заводной Соловей!
Что пугаешь войною Союз!
Цыц, разбитной Соловей!
Не потерпим фашистских мы уз.

Вдруг наш Разбойник постылый
Над немцами крылья простер
(«Царь наш!» – с неистовой силой
Вырвался крик из могил)

И с человеком тщедушным
Навеки завет заключил:
«Гитлером ныне зовись!» –
Посвятил он пророка, и хор

Вторил темнейшему:
«Правда, Предвестник восстанья, он – вор,
Лучший из лучников смерти,
Кто сможет твой дух возродить.

Дай восходящему к славе
Возмездия крепкую нить.
Вспыхнет созвездие
Солнечной расы, наш Гор!»

Кровью завет подписав,
Возгордился пророк Соловья,
Крикнув властителю тьмы:
«Послужу тебе правдою я!»

Снова война постучалась
Костлявой рукою в окно,
Вставив в поэму истории
Огненный лист.

Снова безродная смерть,
Жгучей крови разбрызгав вино,
С черепом лунным
Танцует искрящийся твист.

В души вгрызается зверем
Снарядов язвительный свист.
Даже на солнце алеет
Сочащейся раны пятно.

Мчится к столице Союза
Сквозь красные стяги фашист,
Понял внезапно: *прорвать*
Обороны стезю не дано...

К Волге все силы!!! «Держись,
Сталинград! – вдруг взмолилась земля. –
На волоске наша жизнь.
Пятиться крабом больше нельзя!»

С волей столкнувшись стальной,
Стал Соловей по собачьему выть:
« Вьюжные степи вью... вью...
В южные дали нить... нить...»

Белгород первым воскликнул:
«Орел-крестоносец подбит!»
Тут же советский Орел¹
¹Подтвердил: «Связан пронырливый вор!»

Фюрер в неистовство впал,
Соловью посылая укор:
«Бездны творец, почему
Не пойму, веря во тьму, я без сил,

Брошен судьбой? –
Он Гора спросил. –
Может расторгнут
Святой договор?»

Сел на скалу изможденный тайфун
И смятения груз
Сбросил на дно, оглоушив
Мятежных прибрежных медуз.

Жизнь прозвучала победно:
«О Смерть, грозовая сестра,

¹ Орел – город-герой

Стала ты сирой и бедной,
Строя кресты и гробы...

От пальбы поседела...
Посидела б в остроге, пора!
Дружбой народов изменятся
Вехи вселенской судьбы!»

ГЛАВА 6. УМОПОМРАЧИТЕЛЬНЫЙ СВИСТ СОЛОВЬЯ

Снова свистит Соловей,
Но не бешеным ветром войны.
Он на флейте соблазнов
Играет, будоража народ.

Словно паралич разбил
Необъятную душу страны.
Рухнула вера советских
Рабочих в партийных господ.

«Сбросим, сограждане,
С шеи вампирскую власть! –
Взвились призывы. –
Используем знамя как снасть,

Тени генсеков лоя,
Большевицскую знать.
Сгинь, вавилонская башня,
Подкошенный дом!

«Кто раздробился? Союз?» –
Изумился ужаленный сом.
В дымке тлетворных болот
Зацвела обличения гать.

Мы поперхнулись мечтой,
Не сумев обуздать
Хищное сердце. Мы ча-я-ли
Равенства строй,

Дикой враждой
Пробивая тропу сквозь густой
Лес баррикад.
Можно ли злою душой созидать

Братских республик семью?
Мы стреляли в своих же отцов,
Рушили Божьи соборы,
Терзали угрозами вдов.

Всё же нельзя
На несчастьи ближних жиреть,
Строя высокую жизнь!»
«Что за арии? Друг, не ори! –

Возопил коммунист. –
Отплясала дворянская плеть.
Выжали соки народа
Цари от зари до зари.

Бунт наш оправдан.
Мы лживого строя сожгли алтари,
Раненым львом
Прорвались сквозь прогнившую сеть.

Мы – первый луч,
Первый звон, братской зари!» –
«Стой! – прокричал демократ, –
Хватит гидрой шипеть!..

Вождь ваш был хлестче царя
И коварней скупых кулаков.
Ложью повязана власть
В беспросветной империи сов.

Нет! – говорим демагогии.
Хватит нас стадом считать!
Каждый пусть честно решит,
Можно ли старой тропой

Дальше народу идти
И считать всей страной
Лидеров партии истинной
Совестью масс. Хватит лгать

Богу, соседям, себе, что мы
Холим, как первенца мать,
Братского общества путь.
Мы погрязли в грехах; мы крадем,

Гоним правдивых и гнем,
Наслаждаясь несбыточным сном;
Лозунг возвысив:
Нам партия больше, чем мать!

Гидра советского бунта
Отверзла голодную пасть,
Храмы и лучшие души пожрав...
Утолилась ли страсть?

Яблоком злого раздора
Предстал революции плод.
Где коммунизма восход?
Где озаренные волей сыны?

Рухнула вера советских рабочих
В партийных господ.
Словно паралич разбил
Необъятную душу страны.

ГЛАВА 7. ЗАЛИХВАТСКИЙ СВИСТ СОЛОВЬЯ

Пало, прогнило

Багряное знамя с серпом.

Молот железный на нём

Заржавел, потускнела звезда.

В стороны стал

Расползаться подрубленный дом.

Пастыря зов потеряв,

Разбрелись вдоль оврага стада.

Голос разброда взыграл

Вдоль столичных зыбей:

«Эй, душегубцы,

Пляшите, гуляйте, Я, ВОР-СОЛОВЕЙ,

Русью торгую,

Страну продаю с молотка.

Будет нажива для сильных,

Для хватких, для всех

Жажущих счастья земного...

Азарта огонь,

Злато и смех я раздам,

Разогнав облака.

Ближний – противник тебе.

Не жалея старика!

Слабых тесни!

Поощряй лихоимство, разврат!

Тать, упоенный собой,

Мне товарищ и брат.

Я, Соловей, на костях

Воздвигаю века.

Тише, народная воля,

Владыке войны не перечь!

Дай насладиться игрой!

Разгорись вакханалии печь!

Ноет слепая душа

От пылающих ран.

Алчную кровь насыщаю

Я соком цветов.

Грустное сердце,

Пожни легкокрылый обман.

Дикое сердце,

Насыться крушеньем основ.

Паром тлетворным

Объемля небесный покров,

Застит светилу глаза

Разобщений туман.

Выронил книгу из рук

Воевода ветров,

Но подхватил полумесяц

Летящий Коран.

Вновь вдоль мечетей Кавказа
 Свирепствует меченый меч,
 Чтоб от разгула в столице
 Народные взоры отвлечь.

Выползла кобра вражды
 Из сухого песка,
 Брызнув на ржавый закат
 Возмущения яд.

Грабит природные недра
 Лихой демократ.
 Ищет приманкою
 Денежных игр червяка

Он для наивных людей,
 На жало крючка
 Хитро цепляет
 Кровавую мякоть потех.

Совестью ловко торгуй!
 Чем задиристей грех,
 Тем жирнее и ярче
 Отхватит рука

Прибыли рыбу. Вперед!
 Господа, напирайте сильнее!
 Всё продается: и чувства,
 И недра, и искры идей.

Стала базаром
 Великая Русь. За бедою беда
 Нас настигает,
 Стегает колючим кнутом.

Ярыми львами

Грызутся за кость города,
 «Я ль *миры* *вами* залял?» –
 Сеет вопрос анаграммою вспыльчивый Гром.

ГЛАВА 8. АРЕСТ СОЛОВЬЯ

Ах, заводной Соловей,
Я спалю тебе песней крыла.
Ах, разбитной Соловей,
Ты гордыней народы растлил.

Тщетно оскалился ты на Творца.
Самовластья скала
В миг раздробиться, столкнувшись
В ночи с переплавкой могил.

Нет для разнузданной воли
В извечном пространстве причин.
Нет оправдания злу.
Братским светом – ДОБРА ПАЛАДИН

Землю насытит. Внимание!
Вор осужден.
Вор пригвожден
К полумесяцу, съевшему сны.

Искоренился навеки
Побег ядовитой войны.
Где, произвол, твои клетки,
Твой пыльный полон?

Прочь, Соловей!
Не души золотой небосклон
Тучами гроз.
Отцвело в мире зло. Отшумел

Ветер измен,
Ветер разнузданных дел.
Черной торговле
Поставлен высокий заслон.

Нет обескровленных
В истинном царстве огня.
Нет обездоленных
В сердце бессменного дня.

Белая Весть, белой чайкой
Над огненным морем лети!
Вторит поэту симфонией
Чуткий прибой.

Твердо ведут к всеединому
Символу Вести пути.
Зодчий созвездий, мосты
В пробужденных сердцах перестрой.

Пламенным словом
Дан смерти решительный бой.
Рыбою бьется низложенный месяц
В рассветной сети.

Пойман злодей,
Возмутивший небесный покой.
Русское Солнце,
Поэзией веры свети.

Ты – восходящее слово!
 Ты – Вести броня!
 Ты – лучезарное око
 Господнего дня!

Ты – колокольный, из сердца
 Проснувшийся звон!!!!!!
 Песню с Творцом в унисон
 Примиритель пропел

О Пробужденье.
 Намечен веков передел
 Кормчим Огня.
 Переплавит созвучия Он,

Новый язык утверждая,
 Единства закон.
 Русское Солнце, ты –
 Зарево Вечной Жены!

В песнях твоих
 Незакатная нега весны
 Мягко струится.
 Ты – Символа веры бутон,

Свивший знаменье в лесу
 Среди мшистых опасных трясин.
 Дивно рожденье твое
 Наблюдать с неприметных вершин.

Новые окна ВЛАДЫКА ОГНЯ
 Над землю открыл.
 С неба незримо скатились
 Под вежды людей зеркала.

Тонкие души покрылись
 Глазами воинственных сил,
 Стойко сражаясь за веру
 С гонцами тлетворного зла.

ГЛАВА 9. ЗАРЯ ЗОЛОТОГО ВЕКА

Вижу источник с вершины
И сонмы зеркальных страниц,
Строчки цепочкой
И точку, как око звезды.

Вижу я ветхое солнце,
Упавшее птицею ниц.
Пишет ИСТОРИЮ новую Бог,
Оставляя следы

В памяти ангелов,
В песнях прекрасных людей.
Жизнь – это путь по следам.
«После дам, – Казначей

Высших начал говорит. –
Обновленному миру сигнал.
В Мой золотой юбилей
Испытанье открою огнем.

Символ послужит броней
Псалмопевцу. Услышит о нём
Правдой утешенный мир.
Рассечет обличений кинжал

Косную душу, несущую
Мысленно волчий оскал.
Станьте частицею Солнца,
Приемля премудрости свет.

Вестником остов
Предвечного братства воспет.
Волка рогами поддел
Длинноногий марал.

Тьма отступает...
Приемы разброда коря,
Новым сияньем
Простор наполняет заря.

Близится час испытанья огнем.
Поднимите же щит
Солнечных дум,
Упреждая вселенский разбой!

Или не слышали?
Сущий Свой герб утвердит
В мире подлунном,
Сроднившись с людскою судьбой.

Русское Солнце,
Сияй безупречной звездой,
Выверив силою Символа
Вехи орбит.

Пусть назовутся народы
Единой семьей.
Пусть их ХРИСТОВА ПОБЕДА
Навеки сплотит.

Вскормлен кристальною
Песней огонь алтаря.
Строится ХРАМ ВСЕЕДИНСТВА.
Под нёбом Царя

В небе искрится поток
Именами начал.
Вновь развивает призыв
Вдохновенный поэт:

«Станьте частицею Солнца,
Всемирный Завет
Праведным сердцем творя!»
Радует братьев хорал

Вести вестей.
Наконец, безупречный кристалл
Символа истым знаменьем
Заполнил алтарный проем.

Сердце, на стыке столетий
Пройди испытанье огнем.
Выжги из памяти
Стрелы суровых опал!

Вывел на чистую воду
Судья палачей,
Смерть умертвив
И разбойную душу ночей.

Пишет ИСТОРИЮ новую Бог
И дарует плоды
Вечных высот скоротечным
Мирам и хоралями птиц

Строит симфонию света,
Фатой украшает сады,
Жизнь созидает
Сплетеньем невидимых лиц.

ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

1

Сравнился с Солнцем Вавилон
Тяжелым взором ворожея,
Крича Владыке: «Птицей рея,
Достану на стопах колонн
Вершиной башни небосклон!
И заключу себе на славу
Я имя в звездную оправу.
Единой силою корон

В бессмертье опрокину время.
Так Солнце, клюнув темень в темя,

Стирает лунной влаги тлен,
Стяжая славу... В такт сей горы,
Полночный побеждая плен,
Творят хвалебных красок хоры».

И этот голос непокорный
Вдруг сообщил вселенной крен,
И бросил взор Творец с укором
На грани небоскребных стен,

Гремя в семь горнов: «Злое племя,
Тщеславье – пагубное бремя.

За то, что дух ваш опьянен,
За то, что пьет он грез отраву
И мака сок, ища забаву
С названием – *счастливый сон*,
Внесу я в ваш язык заслон,
Дробя слова... Тогда идея,
От встрясок звуковых грубея,
В гортанный воплотится звон.

И будет множество наречий
В просторе мыслей человечьих.

И будет разночтений крик
Согласья заглушать октаву
Пока Мой всеединый Лик
Не обретет средь смертных славу».

2

В ночи «Капиталом» рыча,
Пробилась на свет сверхдержава,
Толкая наверх палача
По трупам, по тропам кровавым.

И серп, настигая орла,
Отсек самодержцу крыла.

«Мы сами с усами! – надменно
На Запад притопнул генсек. –
Воспевший свой труд человек –
Царизму достойная смена!»
И стала подобием плена
Страна, возвещавшая рай.
«Ты – раб! За вождя умирай!» –
Кипела Советов арена,

И шел гладиатор на бой,
Борясь с сумасбродной судьбой.

И Главный в своем кабинете
Решал поворотом руки
Изжить ли со света атлета,
Иль выбить с доноса клыки.

3

Ковала вопроса тиски
Россия, твердыня Советов:
«Способна ли братства ростки
Взрастить трудовая планета?»

И Голос взыграл громовой:
«Нет братства в борьбе роковой

Пока вы заложники тлена.
Вращая спасения май,
Христова страна, возвещай
Рождение новой вселенной!
И встанет Россия с коленей,
Врачуя забытых калек...
И в солнечный век человек
Очнется от пагубной лени...»

И власти советской скала
Упала... Мятежная мгла

Смешалась с державою ржавой.
В эфир костылями стуча,
Упала на адские лавы
Доставшая Марс каланча.

СИМФОНΙΑ ПРОРОЧЕСТВА

Ибо так говорит Господь Саваоф Бог Израилев: да не обольщают вас пророки ваши, которые среди вас, и гадатели ваши; и не слушайте снов ваших, которые вам сняться; ложно пророчествуют они вам именем Моим; Я не посылал их, говорит Господь.

Книга пророка Иеремии, ст. 8, гл. 29.

1

ИЕРЕМИЯ

Меч занесен уж, видит Бог,
И до предела сжаты сроки.
Падет Иуда! Ярый рок
Разрушит царство за пороки.

Лгут, лгут халдейские волхвы,
Царю внушая спесь! Увы,

Разрушит Вавилон столицу
И в плен народ твой уведет.
Кривит душою звездочет,
Суля лазурную денницу
Египту. Что ж, ищу крупичу
Я правды в тех слепых словах,

Но в них лишь лесь, корысть и страх.
Мне казнь пророчат ясновидцы.

Но рухнет Вавилона клеть
Чрез семьдесят тяжелых лет.

Тогда Иуда львом усталым
Вернется в свой печальный край,
Чтоб прозреть иные дали,
Завещанной эпохи рай.

2

На той земле, где жили скифы
Свое дупло обрел орел.
Но стал и он отжившим мифом,
Легендой в царстве красных пчел.

Пчелиный вождь пророчил яро:
«В дупле орла трухлявом старом

Мы соберем волшебный мед.
И будем зваться мы не роем,
А раем братства, жизнь устроим
Без праздных трутней, без господ.

Уж недалек тот славный год,
Когда вся тварь морей и суши
Пчелиные восславит души
И ос осудит косный род.

Но лишь Земля сквозь зимы-щели
Свершила семьдесят вращений,

Как затрещал дубовый ствол.
Ниспало алой власти знамя
И ветхий охватил престол
Непостижимой воли пламень.

3

Шаманства век ввалился в души,
Господний затемняя храм.
Завет с Истоком сил нарушен.
Муссонный ливень сниться львам

Под африканским небосклоном.
И даже месяц стал масоном

В бессонном небе. Бесом он
На землю из-за туч взирает.
Корону Солнца примеряет
Гора в тумане грозовом.
Но прогремит горячий гром
Напоминанием Закона.
Слетит с чела горы корона
Кровавым комом, зорь куском.

«Раз семьдесят года, как плети,
Хлестнут упрямую планету, –

Воскликнул Отрок. – И взойдет
Заря великого свершенья,
Великий юбилейный год,
Как веха нового Явления.

ИЗ КНИГИ
«ТВОРЕНИЕ – ТАИНСТВО ВОСЬМОЕ»

ПОЭТ БЕРЕЗ

Сергею Есенину

Мы лирой венчаны, Есенин,
Ты тоже СЛОВОМ пробужден,
Ты тоже песнею весенней
Захвачен в огненный полон.
Но я – оседлый, ты – бродяга.
Я – вестник света, ты – бунтарь,
Вдруг разодравший в передряге
Тоской заплатанный стихарь.
Поэт берез, поэт деревни,
Избрал ты вдруг столичный блеск.
Прожглись измотанные нервы,
Раздался в корне сердца треск.
И закачалось древо веры...
Все щепки – врозь, все ветви – в прах.
Внушали жарких чувств химеры
Таинственный смертельный страх.
И черный призрак человеческий
К тебе являлся перед сном,
Дыша вином тоски на свечи,
Твоим холодным двойником.
«Прочь, прочь! – ты на него вздымался. –
Сгинь, ада сумрачный посол!»

Но узел на груди сжимался,
На раны посыпалась соль.
Горел в пожаре ты России,
Любимец нации, изгой...

Последний голос твой: «Простите,
Что не сберег я факел свой...»
Курган покрыли листья клена.
Поблекли в поле васильки.
Но в вещем свете с небосклона
Несли архангелы венки.

К «БОЖЕСТВЕННОЙ ПОЭМЕ» СКРЯБИНА

Я помню КУПИНУ ЧИСЛА,
 Зенит зеркального прозренья.
 Мне Божье Имя назвала
 Святая музыка творенья.

Явление Символа... Но в чём

Поэмы пламень выражался?
 Омылись очи вдруг лучом...
 Мой дух на сотни солнц взор-вал-с-я,
 На сотни снов... И слов излом
 Юродствовать невольно взялся.

«Кто – Ты? Ответь, ответь, ответь,
 Указов Луч, не Ты ль – соль света?» –
 Плелась моих вопросов сеть.
 И взвилась немота ответа:
 «Начни, певец, Мой Корень петь,
 Утешь сердца победой лета,

Читая ноты новых лет.
 Играй на клавишах надежды
 Симфонию любви, поэт.
 Лучись же музыкой, как прежде,
 Архангельский стяжая свет!»

Я помню КУПИНУ ЧИСЛА,
 Зенит зеркального прозренья.
 Мне божье Имя назвала
 Святая музыка творенья.

ОРФЕЙ

Вячеславу Иванову

*Я смог сквозь бездну сонных тел
Дать жизнь земле, вращая годы,
И естество любви воспел
На флейте чисел и свободы.*

*Смотрите! Нет морозных стел
На дланях солнечной природы.
Я гимном смерть заковать сумел,
Взрастив на древе сердца оды,*

*Как это славно петь немым,
На гребне звуков бесконечных!
Судьба людская – вещей дым,*

*Огарок песнопений свечных.
Под занавес зеркальных дней
Объединил миры Орфей.*

ВЕНОК СОНЕТОВ

1

*Я смог сквозь бездну сонных тел
Цвести... вести к Творцу планету...
Персты акафистов воздел
Я к Солнцу, к мысленному свету.*

*В росинках звуков гром гремел
И звал глашатая к ответу...
И указал вдруг веер стрел
Тропу стоокому поэту.*

*И я вчитался в новый миф,
Свободным сердцем вторя миру.
Из тайных рук средь вешних нив*

*Я принял в дар святую лиру.
И мне внушил СОВЕТ ГОСПОДНИЙ
Дать жизнь земле, вращая годы.*

2

*Дать жизнь земле, вращая годы,
Способен кормчий пустоты.
Есть пламень правды всенародный,
Есть гений вещей красоты.*

Вот звон мой... песен звон свободный
Отверг замшелые черты
Базарных улиц. Смерч голодный
Терзал и мял меж скал цветы.

И мне пришло на помощь небо,
Что венчано вовек с землей.
Поля насытились золой

И пробудили зерна хлеба.
Я ритмы пил, я рифмы ел
И естество любви воспел.

3

И естество любви воспел
Гонец Божественного света,
И возвещал: «Се – дело дел –
Восславить Зодчего Завета!»

Не рыкал Лев, а словом тлел,
Взрывая ржавой смерти клетки.
Он был как жар железа бел,
Когда держал пророчеств плети.

И говорил Господний Сын:
«Послушай, царство тьмы, геенна,
Почти Ефремово колено!

Верни народ мой и остынь!»
Так пел Пастух, ступая в броды,
На флейте чисел и свободы.

4

На флейте чисел и свободы
Рождался предвозвестья зов.
И расступались будней воды
Пред взором вестника основ.

А в самом центре небосвода
Луна алела. С чистых снов
Стекали речи-реки меда
В тетрадь поэта, в борти слов.

Дыша сквозь сны зарей воскресной,
В коре сосны росла камедь,
На почву капля... Строчек медь

Звездой плавилась чудесной.
И Бог сказать мне повелел:
«Смотрите! Нет морозных стел...»

5

Смотрите! Нет морозных стел...
С сердец тлетворных лет оковы
Владыка снял. Глаза согрел
Рассветный луч – глашатай новый.

Отполз февраль... Зазеленел
Весенний луг... Проснулись совы,
Внимая звонкую капель,
Внимая утренние зовы.

Жизнь пробудилась. Древний лес
Зевнул дуплом седого дуба.
И слезы выпали из сруба

Под треск ветвей. И мир воскрес.
И стали славить свет народы
На дланях солнечной природы.

6

На дланях солнечной природы
Родился Сын, певец Огня,
Чтоб возвестить: «Прошли разброды
И войны времени. Броня

Перековалась. Взвейтесь всходы
Пшеничных слов, весной звеня.
Бессменный свет – залог погоды.
Поет заря рожденье дня.

Кто ждал расцвет стихов глагольный
На резкой крутизне веков?
Как славен слов зернистых звон,

Набат сонетов колокольный!
Кто этот дивный час прозрел?
Я гимном смерть заклать сумел.

7

Я гимном смерть заклать сумел,
Дыша зарею на погосты.
Без веры слово – рыхлый мел,
А в свете веры – горный остов.

Струится вещей неги хмель
Во все просторы. Ритмов горсти
Бросает в юный слух апрель
И просит птичьи хоры в гости.

Не передать стихами миг
Второго мудрого рожденья,
Когда ты жаждой пробужденье

Избавил душу от вериг,
От вожденья чувств бесплодных,
Взрастив на древе сердца оды.

8

Взрастив на древе сердца оды,
На ось огня ступил гонец,
Пропели в унисон рапсоды:
«Пусть вечно здравствует Творец!»

Ведя вдоль бездны хороводы,
Восславил Путь пастух-певец,
Разгладив долгие невзгоды
На шерсти праведных овец.

Играть, не чувствуя границы
С условным залом, – высший пик.
Не распылить бы вечный лик,

Плетя на сцене небылицы,
Личинам следуя слепым!
Как это славно петь немым!

9

Как это славно петь немым,
Когда ты вторишь только Богу,
Когда не затемняет грим
Твою душевную тревогу.

Пусть в горнем царстве, пилигрим,
Скатился ниц ты по отрогу,
Пусть прозревая вечный Рим,
Ты позабыл к нему дорогу,

Помогут белки и дрозды
Тебе пропеть рождение утра.
В тон заревого перламутра

Ты станешь вестником звезды,
Творя аккорд молитв сердечных
На гребне звуков бесконечных.

10

На гребне звуков бесконечных
Плывет ладья... Плагольный строй,
От рифов прячась поперечных,
Охвачен рифменной игрой.

Свет Сретенья, свет тайной Встречи
Велел мне дух вскормить грозой,
Надеть стихарь... Стихи Предтечи
Вдруг высек я стальной рукой.

Поток лирический без точек
В счастливых отразился снах.
Танцую в солнечных лучах,

Взыграли резво реки строчек.
Я видел взором золотым:
Судьба людская – вещий дым.

11

Судьба людская – вещий дым,
Точнее, жертвенное жженье.
Лежит под пламенем святым
Костей и грешных дней крушенья.

Возможно ль душам молодым

Испить нектар преображенья?
Пристало в буйном мире им
Плыть против бурного течения.

Не знают тлена лишь сердца,
Объятые огнем причастья,
Хваля Творца... Черты ненастья

Разгладит сладкий лад Певца,
Что держит в безднах скоротечных
Огарок песнопений свечных.

12

Огарок песнопений свечных
В узор пролился восковой...
И я узнал в просторах вечных
Рисунок Бога, профиль свой.

Раскрылась в сферах безупречных
Скрижаль поэзии святой.
И с виражей эфирно-млечных
Вновь хлынул прорицаний зной.

И мне доверил Сущий СЛОВО,
Всех чисел огненную ось.
И Имя Господа зажглось

В моих поэмах снов основой.
И проторил я путь путей
Под занавес зеркальных дней.

13

Под занавес зеркальных дней,
Прогретьшись болью были белой,
Царица веры, Мать огней,
Освобождение пропела.

Царица веры... Бог о ней
До бытия помыслил смело...
И видя плод, с досады змей
Задумал пагубное дело.

«Необратима сила нови! –
Воскликнул Мастер зорь. – Ужель
Сонетов вещую метель

Слепая зависть остановит?»
Сын говорит без лишних прей:
«Объединил миры Орфей!»

14

Объединил миры Орфей,
Но не мечом и не пожаром,
А вестью радужной своей,
Своим неистощимым даром.

Нет больше места для цепей,
Для боли шей, что в мире старом
Коптили небо. Корни пней
Прожглись лирическим разгаром.

И, заглушив напрасный спор,
Пропел вдруг тьме наперекор
Спасенья бард, прозрев Мессию:

«Пусть всюду гром измен гремел...
Поднять с колен страну Россию
Я смог сквозь бездну сонных тел!»

К БЛОКУ

К ДЕРЖАВНОЙ НЕВЕСТЕ

Пробудись, Водолея созвездие!
 В твои зори окутался Спас.
 Мне пожары, мне штормы возмездия
 Вдруг приснились в полуночный час:
 Ошалела небесная конница,
 Разрывая земли полотно...
 Видно солнце охватит бессонница
 И пойдет по столицам оно.

Не шути, не шути со свободой,
 Дочь разгульная, розой цветя!
 Ведь ты носишь, о, Русь сумасбродная,
 В чреве огненном Божье Дитя;

Колобродишь по пыльным обочинам,
 Вехи путая с тенью столбов;
 Не пойдешь ты путем укороченным,
 Отсылая заморских послов.
 Ни к чему состязаться с цыганами
 В залихватском задоре души.
 Пробудись! и соборы тюльпанами
 Прорастут в изнуренной глуши.

Не шути, не шути со свободой,
 Дочь разгульная, розой цветя!

Ведь ты носишь, о, Русь сумасбродная,
 В чреве огненном Божье Дитя.

Заклинаю тебя океанами,
 Плодородною силой земель,
 Мощью северных рек и полянами:
 Пересиль своеволия хмель.
 Не пристало Невесте торжественной
 Погружаться в вакхический пляс,
 Коль дано тебе волей божественной
 Стать оплотом проснувшихся рас.

Не шути, не шути со свободой,
 Дочь разгульная, розой цветя!
 Ведь ты носишь, о, Русь сумасбродная,
 В чреве огненном Божье Дитя.

ПОСВЯЩЕННАЯ

Опоясавшись матушкой-Волгою,
 В синей шубе сверкающих льдов,
 Побрела вдруг дорогою долгою
 Русь-Невеста на солнечный зов.
 Чуть скуластая, чуть раскосая,
 Но как лебедь озерный бела,
 Зазвенела держава вопросами,
 Семь загадок себе задала.
 И покрылись ответы кавычками
 Алых льдов, снегового плаща.
 Вдруг зачиркали звездными спичками
 Небеса, путь к загадке ища.
 Десять струн, имена благозвучные.
 Облачились в святое Число,
 И держава над хмурыми тучами
 О светило задело крыло.
 Ей поручено, Богом поручено
 Жемчуг ИМЕНИ в бездне найти.
 Сердце с толку сбивают излучины,
 Ветровые ночные пути.
 Хватит, хватит томить неизвестностью
 Очарованный песнями мир.
 Назвалась ты по праву Невестой
 И явилась на свадебный пир.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ К ДРУГУ

Мы упустили нити Вести,
 Воспев мятежной воли раж.
 По диким улицам Наместник
 Прошел в столице, как мираж.
 Мы упустили струны Слова,
 Ища свет истины в вине.
 Дразнил с туманного покровы
 Нас лунный крендель в полусне.
 Мы опустили долу веки,
 Играя в прятки. Но всерьез
 Ты был подобием абрека,
 Пророком своевольных гроз.
 Мы опустили руки вместе
 В какой-то омут диких чувств,
 И вместо песен в честь Невесты
 Летела ругань с пьяных уст.
 Мы опустили солнце веры
 В заросший тиной водоем.
 Мы, зимней Девы пионеры,
 Ловили снежный пух огнем.

ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО

Я тем печален, что ты рад собой
 И лишь собой, мой друг, мой недруг странный.
 Ты почитал во мне лишь ответ свой
 Всегда надуманный, всегда туманный.
 Но в этом наш неистребимый рок
 Платить душой за мнимый свет свободы.
 Под летним солнцем сердцем я продрог,
 Согрелся льдами сумрачной погоды.

Я тем печален, что прослыл своим
 В чужой стане немыслимых порядков,
 Что плод мой вещей сквозь колючий дым
 Стихами вспыхнул на соседской грядке.
 Иное дело быть среди своих
 Залетным чужаком с крылом подбитым.
 Вдруг подняла гора мой винный стих,
 Сверкая рогом, до конца допитым.

Я тем печален, что ты рад собой,
 Я тем печален, что мы снова вместе...
 Безумие дышать одной судьбой

Под покрывалом неприметной мести.
 Расти и увядать – один удел,
 Одни и те же звенья в ритме суток.
 Я никогда нарциссам гимн не пел,
 Но воспевал цветенье незабудок.

МАРШ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХ

поэма

В белом венчике из роз
 Впереди – Иисус Христос.
Двенадцать. А. Блок

1

Я – вести вес... Веслом весны
 Гребу над водами веков.
 Душа устала от оков.
 Оковы, око вы – войны,

Войны вы – вой, войны – укусы.
 Я в сумраке звездой зажгусь.

Ты – гусь, смятений мир, я – лис.
 Сбылись пророчества... Кумир
 Страстей, твой жрец ослеп. Вампир,
 В своей крови же захлебнись.
 Сбылись пророчества... Царь крыс,
 Я – рысь. Погибнешь у норы.
 Яры послы Творца. Быстры
 Века. Пророчества сбылись.

Что делать вам, гонители
 Христа? Вы зрите нити ли

В его руках? О, жители земли,
 Опять вы на ножах! И крах, и страх,

И вопли плах сердца солдат прожгли.
Луна слезой застыла на горах.

2

И видит месяц тьму везде.
Везде война. Душа в огне.
Земля в воде, в беде, в труде
За хлеб. Что делать мне?

Что делать вам? Задела плетъ
Господний храм. Попала в сеть

Страна вина и грез. Вина на нас!
Как перестроить мир? Мы жир
Едим и едем на осле, на пир
На братский пир явился Спас...
Не в теле том... но тот же глас
Пронзил сердца. И нет венца
Тер...Нового Гонца, гон ца –
Рский слышит мир. Всех вер каркас

Скрепился в сердце звонаря.
Приветствуйте Царя! Заря

Любви не зря, коря моря
Безумных душ, зажгла число
Святых имен. Звездой горя
Дух приказал: «Исчезнет зло!»

3

Пишу, не покладая рук...
Господний зов во мне пророс.

Колес вагонных слышен стук.
Пущу я время под откос.

Пусть бос гонец... Вопрос в другом.
Вошел он другом в дольный дом.

«Двенадцать» держит он в руках
(Поэму надо понимать).
Меж строк мелькает чернь и знать.
И брань, и пепел на устах.
Всё дышит гневом... Рок и крах
Глубокий Блок пронес сквозь быть.
Не в чести Бог... И красных пыл,
Пыль поднимая, сеет страх.

На прах орла взирает гусь.
Гогочет он: «Пропала Русь!

Какая грусть! Какая грусть!»
Смеются зло большевики:
«Мы на коне! Вельможи пусть
Стирают плотникам носки!»

4

Взорвался человек труда,
На батюшку-царя чихнул.
Заржали жалобно года.
Загнал лошадку есаул.

И время вспять вдруг понеслось...
Столкнулся с волком старый лось.

Чем больше в сердце темноты,
Тем ноты мести злей, страшней.

Шипит вопросов колких змей:
 «Кто виноват? Что делать?» – «Бей!
 Бей белых, если веришь ты
 В союз рабочих! В бой! смелей!
 Не будет больше бедноты!»
 И пошатнусь вновь кресты

И купола. Колокола
 На землю рухнули с чела

Церквей. И боль, и боль на дно
 Стремясь, в одно сплелись. И пыль, и голь на трон
 Российский сев, родили «но»,
 А именно: «Не быть царю среди **ворон!**»

5

«Двенадцать» песни бурь хранят...
 Страницы-странницы бегут
 Волною за волной, ягнят
 Напоминая мне. Лоскут

Столетия прилип к сукну
 Земли. Как смыть с души вину,

Братоубийства черный грех?
 Романовы, распяты вы,
 Растерзаны толпой... Увы!
 Истории безумный смех
 Взрывает сны. Пишу для тех,
 В ком совести искра жива.
 Нет! Не досказана глава
 Крылатых лет... Земля для всех

Единый дом. Зачем кромсать,
 Зачем делить природу-мать?

Я вижу мир наш без границ,
 Без ложных вех. Мир без завес
 Открылся мне, без хищных лиц.
 Мой слог – новейшей Вести вес.

6

Романовы, убиты вы,
 Растерзаны слепой толпой,
 Стопой раздавлены молвы:
 Мол, вы – прогневшей власти рой.

И взбудоражилась страна.
 Царевич выпал из окна

Времён. «Царевич – вы, пал – я!» –
 Паля леса былых веков,
 Воскликнул вождь большевиков.
 И разгорелись тополя,
 Поля и кровли. Пыл угля
 Погнал по рельсам поезда.
 Взорвался человек труда,
 Геенну гневом веселя.

И отливая пули строк,
 Поэмой смерти стрельнул Блок.

Узрел поэт среди пыли зла
 Венец из розог-роз... Христа
 По Петрограду чернь вела,
 Чтоб потешаться у креста.

7

Романовы, изжиты вы!
Сигналом кроважанных лет
«Авроры» грянул залп... И высь
Прожег вдруг молнии скелет.

Оскалилась на Церковь рать
Большевиков. С душой играть,

С великим таинством любви
Задумал вождь и на Завет,
На Веру ополчился... «Нет! –
Я восклицаю. – На крови
Нам не взрастить златой нови.
Преобразится мать-земля,
Вдохнув цветенье на поля,
Признаньем Символа... Мои

Стихи, стихии новой суть
Вобрав, прониклись братством!» Путь,

Спасенья путь открыт. Забыт,
Забит он был. Как? Почему?
Коснулся слуха стук копыт.
То скачет Вестник, жалея тьму.

8

Двадцатый век, кровавый век,
Восстал ты на Творца, тельца
Златого, гордый человек,
Ты предпочел любви Отца.

Не царь, не Бог твой истый враг,
Не герб и не высокий стяг,

А хищный нрав, сошедший в мир,
Проевший глубину сердец.
Ты в склепе... Но прозрей, слепец!
Ты в теле... Но познай эфир!
Низложен золотой кумир
В сознании Владыки сил.
Поэтому горбы могил
Разгладит Дух. И смерти пир

Разгонит гонг Гонца. Огонь
Расплавит плоть. И дикий конь

Истории, узрев седло
И кнут, уступит седоку.
И облачит ЛЮБВИ ЧИСЛО
Поэт в стозвонную строку.

9

Двадцатый век – науки взлет.
Двадцатый век – любви закат.
Лишился прыти царский гнет.
Какой ценой? На брата брат

Восстал, как зверь. В чаду потерь
Затмилась дымом Веры дверь.

Нет больше Бога... Есть лишь боль...
Есть искаженный свет общин.
Есть нищие и первый блин.

Есть возглас: «Сгинул наш король!
Да здравствует ко...». Роль, владыки роль
Кому играть? Тому, в ком тать,
В ком волчий пыл, пугая знать,
Был ярче, был сильнее. И голь,

Раздувши кочетом жабо,
Кольнула власть: «Ну что, слабо?

Слабо вам вверх народ тянуть?
Позвольте вас стегнуть бичом!
Позвольте в спину вас боднуть!
Ответьте нам, душа почём?»

10

А быль срослась с частицей «бы»,
Как лбы быков. Или не так?
Не избежать своей судьбы,
Коль суждено попасть впросак.

Да только не кромешный рок
Несет лихих времен поток.

Случайность – признак слепоты.
За хаосом стоит закон.
Есть вечный свет... Сквозь небосклон
Он ткёт знаменье красоты.
Есть голос властной полноты
И вера в глубине души.
Разбилось злато на гроши.
Затмились тонких сфер черты,

Затмился дух. И вот Судьба
Войною стала. Хворь, борьба

Сопровождают жизнь. Ножи
По жилам жидких тел скользят.
О, человек, Творцу служи,
Преодолев тщеславья яд.

11

«Двенадцать» завершил поэт,
Губу до боли прикусив.
Понесся дальше ветер лет,
Творя историю. Порыв

Восставших масс пожар раздул,
Вздымая рыхлый рык из дул:

«Всех уровнять! Ура труду!
Сойди, карета, в буерак!
Понюхай пороха, кулак!¹
Пляши, помещик, под дуду
Бунтарской воли иль к суду
Тебя бичом мы привлечем!
Заплакал сырый люд сычом,
Предчувствуя в ночи беду.

Двадцатый год... Тридцатый год...
Сороковой... Чреда невзгод

Прожгла народ. Взбесилась вдруг земля...
Фашизма черная чума
Свела Германию с ума. Петля
Луны поддела мрак. Объяла души тьма.

¹ Зажиточный крестьянин

12

Зубов лишился царский гнет.
Разбит монарх. Забыт Христос.
Но тот же кнут рабочих бьет.
И в душах смерти гул возрос.

Общественный сменился строй
Чрезмерно дорогой ценой,

Дорогой бурь ведя народ.
Страну покрыли краской зорь
Дела вождей. Отчизны хворь
Обволокла собою свод
Небес, и пал вопросов лед
На головы голодных масс:
«Ужель слепой нас изверг пас?
Ужель трудясь из года в год,

Мы ту же строили тюрьму?
Ужель мы светом звали тьму?

Ужель в стране святых идей
Мы погрузились в полный мрак?
Народ достоин тех вождей
Каков он сам... Должно быть так.

13

Я – вести вес... Веслом весны
Гребу над водами веков.
Одним я оком вижу сны,
Другим – земных низин покров.

Творя на стыке двух эпох,
Двенадцать строф из звездных крох,

Я вновь собрал. Пишу огнем,
Пишу я ранами души...
Приказ мне дан: «Гонец, спеши!
Друг, шире шаг! Сойди в проем
Миров. Знай, в колчане Моем
Ты был последнею стрелой.
Не промахнись! Новейший строй
Веков создам и братства дом!»

Двенадцать строф... Двенадцать слов...
Двенадцать огненных послов

Явили Весть... И к их числу
Примкнула Будды цитадель.
Пустил Творец любви стрелу.
Мир пробужденный – Божья цель.

14

Взорвался изнутри Союз,
Арбузом лопнул от ножа.
Стал грузом, стал узором уз
Серпастый документ... А жаль,

Что стала глиной сталь... Ну что ж...
На бочку с порохом похож

Наш мир, отвергший братства суть.
На что упор? На бич? На меч?
Не удалось урок извлечь
Из ярых старых бед... Чем путь

Смятений завершался? Будь
Мой друг, судьей лишь над собой,
Судьбою дорожа. Борьбой
Прогрета жизнь. Нельзя уснуть

И на минуту часовым.
В душе ханжей и дождь и дым

Перемешались. Жнет народ
Жестоких распрей урожай.
Глаголов пляшет хоровод:
«Следи! Топи! Казни! Сажай!»

15

Алмазом по стеклу границ
Рука, дрожащая прошла.
На маскараде пьяных лиц
Столкнулась взбалмошная власть.

Поднялся ропот меж людей:
«Промоем косточки вождей!

В клубок сматаем века нить.
Тот лихоимцем был... Тот пил...
В том жил князька спесивый пыл...
А в том шута горела прыть.
Тиран над нами был! Не скрыть
В ночи веков рубцы расправ,
Язык рассвету показав.
Чем правду можно подменить:

Кнутом? Штыком? Сырой тюрьмой?
Луч гласности сразится с тьмой
И прояснится злая быль...»

Не надо слез. Не надо слов.
Сбил с лодки рыбака горбыль.
В силок попался птицелов.

16

Я с этим временем на «ты»...
Его я раб, его росток,
Его открытые черты,
Его таинственный пророк.

Я с этим временем на «вы»...
Оно мне чуждо... Рвы и львы

Посланцу преграждают путь.
Земля уходит из-под ног,
Тараня плоть. В чаду тревог
Пространство рвется. Смерти спрут
Считает стрелками минут
Паденье звезд. Я, как варан,
Ужаленный змеей. Туман
По небу вяжет нити пут.

Вдруг сорвалась звезда в груди.
Ветра грызутся впереди

И за спиной. Пропал Союз,
Как лишний груз упал с плеча
Земли (ведь ветхий мир обрюзг,
Устал, ненужный жир влача).

17

И разошлась страна по швам.
Разбился переспелый плод.

Не веря выпревшим словам,
Вдруг перешил свой стяг народ.

И вздрогнул, застонал Кавказ
В который раз, в который раз...

О...бес...Кура...жена... и сын...
Обескуражена войной,
Земля заныла подо мной.
Среди стремнин, среди равнин
Пронесся смерти зов... Один
Поэт лишь был в тени в те дни...
Мелькали перед ним огни
И забивался в землю клин.

Горел Кавказ, горел Сухум.
Врезался в душу дикий шум.

Страшна, грешна мошна войны.
Мощна и беспощадна месть.
Но в эти дни сквозь явь и сны
Спасенья зарождалась весть.

18

И новый всплеск войны виня,
Покрылось пеплом царство гор.
Пылает гордая Чечня,
Земельный разжигая спор.

Кто в этой свалке будет прав?
Опять же тот, в ком хищный нрав
Проявиться сильнее. Грызня

За власть рождает в душах ад.
Кто этой дикой бойне рад?
Бунт для отвода глаз виня,
Чиновник ждет страстей огня
И греет руки на крови.
Ослеп народ... В вертеп, увь,
Он погрузил светило дня,

Творя из будней склеп... Кому?
Себе же, прославляя тьму.

Себе же он и царь и враг,
Поскольку из осколков сбит.
Из лоскутов державный стяг
Вздымает в небо грубый быт.

19

Ах! Эти строчки, слов цепочки,
Не передать им боли всей.
Глагол, в подол уткнувшись точки,
Шипит на небо словно змей.

Непросто видеть в полный рост
Звезду погостов – СМЕРТЬ. На хвост

Веков Юпитер наступил.
И тотчас ураганы льда,
Знаменьем высшего суда
Вошли в сердца... Лишившись сил,
Народ впотьмах бредет без крыл,
Без ясной цели, без любви.
И тайный глас: «Ты весь в крови!» –
Его пугает. В города

Скатился громовой разбой.
Зовя судьбу хромой сестрой,

Тоскует дух о высоте,
О чистых солнечных мирах,
Где всё послушно полноте,
Где душу не съедает страх.

20

Я нем... Я не могу понять
Стихию зла... Кругом разбой.
И даже солнце мчится вспять,
Бранясь с луной наперебой.

Кто прав? Кто виноват? На брата брат
Идет с ножом. Азарт, разврат

Князьями чувствуют себя.
Я слышу крики из тюрьмы:
«Мы – мыши в покрывале тьмы.
Мы – мысли мытарей!» – «Груб я...» –
Сострил лихой палач, губя

За куш созвездья душ. Меж тем,
Торгуют все, торгуют всем....
Я нем... Я не могу тебя

Понять, язык вражды. Вы – льды...
Вы зерна сеете беды,

Дельцы, припрятав черных дел
Концы за щеки вод. Вот ваш

Портрет... без рамки подле стел.
Наполнен кровью вновь ягдташ.

21

Клянет законов пыльных суть
Новейшей Вести пионер.
Кто из царей знал истый Путь?
Ища в веках такой пример,

Перевожу я стрелки лет
Вперед, назад... но толку нет.

Сознание режет цепь оков.
Волна раздоров, мятежей,
Война, укоров дождь, ножей
Смертельный блеск... сей треск веков
Туманит ум. Семь пар подков
(Нет, всё же восемь, видит Бог)
На счастье я несу в чертог
Царицы звезд. Лишь пять мазков

Нанес Художник на чело
Земли... неполное число...

Усталым стражем смерч смертей
Влачит на острие копья
Ослепший мир... Узор сетей
Покрыл пределы бытия.

22

Ну что ж, коль мир на Цербера похож,
Планета выйди из тюрьмы.

Спусти с себя семь шкур, семь кож,
Прощаясь с хищным царством тьмы.

Что ж, подытожь веков полет
И ложь законов, дикий гнет

Отринь. Остынь, мятежный сын,
Пласты злых дней размой... Раз мой
Народ на нарах спит, воспой,
Пиит, свободы свет, средь льдин,
Средь гордых гор идет один
Посланец звезд. Где преклонить
Чело, чтоб всеединства нить
Народам передать? Завета клин

Я в сердце смерти вбил, преодолев
Вражду. И вдохновенной вести сев

Дал всходы многогранных слов,
Что отражают вещей взгляд
Кристалльных снов. Творец основ
Перелистал столетий ряд.

23

Желая ясности во всём,
Желая видеть мир иным,
Дышу спасительным огнем,
С ноздрей пуская вещей дым.

Напрасен взрыв. Напрасен суд...
Земля – Божественный сосуд.

«Дарю Царю зарю весны
И сны из нитей тонких слов! –

ИСТОЧНИКА я слышу зов
На гребне мысленной волны. –
Сойдут эфирные сыны
В подлунный мир, сражаясь с тьмой.
Тогда окрепнет голос мой
В тени отверженной страны.

Поймав в силок тлетворный рок,
Природы огненный поток

В висок ужалит ложь и смерть.
Тогда сомкнутся в плотный круг
Года, века... Народов треть
Прожжет, пропашет звездный плуг».

24

Двенадцать пламенных ягнят,
Двенадцать братьев и сестер
Единым духом говорят:
«Потухни, черных дней костер!»

Двенадцать строф, двенадцать слов,
Двенадцать огненных посллов,

Готовы ль вы? Злой власти львы
На грани части жизни рвут.
Двенадцать вестников идут
От пут избавить мир. Сквозь рвы
Прозрели мыши тень совы,
От острых глаз им не уйти,
Не замести следов в пути.
Грядет знамение и вы,

Двенадцать истинных вождей,
Вдохнете суть святых идей

В сердца людей... И лязг мечей
Исчезнет в западне завес.
Двенадцать золотых лучей
Прожгли простор. Я – Вести вес.

2000 г.

К ПУШКИНУ

СОЛНЦЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

С Россией первое свиданье
Отобразил воздушный стих...
Веселых песен мирозданье
Воздвиглось чудно... Ветер стих...
И слов могучее воззванье
Взыграло в душах золотых:
Жива любовь, жива словесность,
Жив пушкинский крылатый слог.
Кому почет, кому известность,
Но в этом слогe ожил Бог.
Не шел, а шествовал свободно
Лучистый зов, волнуя слух.
Проснулся в думах всенародных
Самосознания твердый дух.
Пустыни, дебри, бездорожье
Сменил гармонии кристалл.
В начале было слово Божье
И свет его поэт взалкал.
Высокопарность здесь не к месту,
Хвалы напыщенной глагол.
Нашел Христос свою невесту,
Словесность русскую нашел.
Невеста – пушкинская песня,
Глагольной музыки задор.

Придет на этот праздник Вестник,
 Творя стихом вселенский хор.
 Как дивно вещей неги чувство,
 Восторг души, кипящий взгляд!
 Взрастил орган любви искусство,
 Весенних песнопений лад.
 Роман с неизъяснимым светом
 Вдруг вспыхнул в огненных стихах.
 Шалил, острил, парил с поэтом
 Тот Луч в эфирных облаках.
 С Россией первое свиданье,
 Стихи, романтика, цветы –
 Не гром пророчеств, а воззвание,
 Не повеленье, а мечты.
 И покорила вдруг держава
 Увещеваниям Творца.
 Словес лирическая лава
 Вскипела пред зарей Лица.

В ГОСТЯХ У ПОЭТА

Вхожу я в пушкинский дворец
 По-свойски без звонка, без стука,
 Спросив лишь: «У себя певец,
 Владыка песенного звука?»
 О, Пушкин, мне легко с тобой...
 Хотя ты воспел восторг осенний,
 Любил грозу, шутил с судьбой,
 Но дух твой, гений твой – весенний.
 Мне по-домашнему тепло
 В твоих поэмах многострунных.
 Светило слов дневных взошло
 И мрак стряхнуло с мыслей лунных.
 Иду в халате я порой
 По коридору славной драмы...
 Вдруг встретившись со мной, герой
 Ползет по днищу строчной ямы.
 Воскликну: «Здравствуй, Дон Гуан!»
 А он в ответ, ушам не веря:
 «Сгинь, командор (ужель я пьян?)!
 Сгинь, наважденье! Сгинь, химера!
 Сгинь, рогоносец-истукан!»
 Тогда я голоса частоты
 Меняю, захожу в роман...
 Там Ленский вздрогнул: «Боже, кто ты?
 Какой-то раж, туман, дурман,
 Медведь, сорвавший с улья соты!»

Перестаю тогда шутить.
 Я, упоенный драмой тонкой,
 Легко держу сонета нить
 И наслаждаюсь лирой звонкой.
 Трещит огонь в камине слов,
 Восторг душевный излучая.
 Мне здесь тепло. Ем оды зов,
 Пью сладость звукового чая.
 «Не забывай и ты мой дом. –
 Прошу поэта на пороге. –
 Сонетным угощу вином
 Тебя из рифменного рога».

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Нас разделили двести лет средь были.
 Не знаю это много или мало,
 Но снова горны неба протрубили,
 И лирика из пепелищ восстала.
 Затерлось грубо, пострадало слово,
 Сцепившись насмерть с волчьими веками.
 Забыл вдруг мир, отчаянно суровый,
 Что сердце светозарное не камень.
 «Явись, явись, поэзии светило!» –
 Планета изнуренно застонала,
 И этот зов Россия подхватила,
 Став наковальней вещего кристалла.
 Да вознесется слово человека
 По образу божественных созвездий!
 Держу бразды таинственного века
 В прыжке высоком чрез ночную бездну.
 Нас разделили двести лет по были.
 Не знаю это много или мало.
 Но снова горны неба протрубили,
 И лирика из пепелищ восстала.

ГИМН ТВОРЧЕСТВУ

Двадцать три года в броне.
 Двадцать три года, как вьюга.
 Каждый глагол на коне.
 Звуки поэмы – кольчуга.

Двадцать три года, как миг.
 Двадцать три года цветенья.
 Солнце лирических книг!
 Схваток словесные тени!

Двадцать три года – лишь взмах.
 Двадцать три года – дуэли.
 Выстрел из дула не крах.
 Крах же – интрижек метели.

Двадцать три года, как сон.
 Двадцать три года служенья.
 Сердца лирический звон!
 Сердца глагольное жженье!

Двадцать три года любви.
 Двадцать три года юдоли.
 Пламень поющей крови!
 Пепел поверженной воли!

Двадцать три года весны.
 Двадцать три года ненастья.

Свадьба во время войны.
 Жгучее снежное счастье.

Двадцать три года в броне.

БИТВА ЗА СЛОВО

Через века пожмем друг другу руки
– и в бой!

Страницы – наши стрелы, рифмы – луки.
– За мной!

Устал играть с холодной тенью в прятки
– мой конь.

Наш враг – сумбур, безумные порядки.
– Огонь!

Кинжалом пошлый вкус, бердышом бредни
– режь, бей!

Веди нас в битву, смерч поэм победный,
– смелей!

Газетной мути жуть огнем сонетным
– сметим.

Паяцев слова гимном семицветным
– уйдем.

Возьмем сквозь дым ряды эстрадной рати
– в кольцо.

Увы, простор поэзии утратил
– лицо.

Мы фарисеев потеснили песней,
– смотри!
Сошел по лестнице созвездий Вестник
– зари.

ПРОРОК

И было так: я луч кристальный
Своей свободы погасил.
«Пусть осень косит ос усталых
С уст алых я провозгласил

Забавы ради. Праздным взором
Я страсть стяжал, проворным вором

Советы веры раскидал...
И дал ростки бездомный терний
В горячем доме чувств. Вдруг тени
Шепнули тихо вдоль зеркал:
«Хозяин спит...», проникли в зал...
И взял на миг их страх. Затмение
Поколебало мыслей звенья,
Что предвкушали жаркий бал.

Ложь, лесть и лень запели хором.
Но вдруг Хозяин грянул громом

И пляску тьмы остановил.
Сменили дикий гул хоралы.
Органный разум поглотил
Хор размышлений серых малых.

И Бог прожест язык мой шалый,
Лучом мне череп раскроил,

Мой мозг и грубой воли жало
Рассек искристым кругом крыл.

И Он остроконечным Словом,
Открывшись явно под покровом,

НОВЕЙШИМ СИМВОЛОМ ПРЕДСТАЛ.
Поднялся дух мой на ступени
Предельных сфер... И мудрый гений
Во мне свой вечный лик узнал.
И Корень огненных начал
Мне сердца изменил биенье.
И внял я ПРИМЫ СТА веленье:
«Свяжи, поэт, имен кристалл!

Ты *стал* Творца вселенским зовом.
Итак, открытым делом, тонким словом

Смети с безликой были пыль,
Чтоб дух людской признали дали
Прозрачных звезд, чтоб Богу сил
Земляне долг любви воздали!»

К ПОЭТУ-ГОНЦУ

Поэт-глашатай, ты– избранник
Неизреченной Полноты.
Так пой же, окрыленный странник,
Акафист вещей красоты;

От нарочитых назиданий
Сокройся в шелесте листвы,
Изгладь приметы увяданья
Свободным голосом любви.

Завороженная природа
Прославит жизни звон в тиши,
Услышит, как смеется ода,
Как льется песня из души.

Поэзия не чужестранка,
Не вымысел, не ось утех.
Она – душевных грез изнанка.
Она – сквозь ночь рассветный смех.

Преображения загадку
Тебе, поэт, закат задал.
Удобрил ты созвездий грядку
Сонетами и солнцем стал.

И впредь свети, гонец денницы,
Наперекор тревожным снам.
Твои стихи – прозренья птицы.
Твой слог – зеркальной Вести храм.

ПАМЯТНИК

Не Пушкин юный, но угрюмый камень
Стоит среди разрушенных домов
И подхватить мой стихотворный пламень,
Мой звонкий гимн как будто б не готов.

О, памятник, надменный и печальный,
Ужель ты славы солнечный оплот?
Ты равнодушен к лирике венчальной,
Не чувствуешь душевных сил полёт.

Молчишь ты рыбой, глыба вековая,
Смотря с тоской на вялые цветы.
И голова кумира восковая
Не улыбнется солнцу красоты.

Неужто увядающим букетом
Платить пристало гению любви?
Рожден я тоже огненным поэтом,
Глашатаем спасительной нови.

Не монумент, но храм живого Слова
На пепелище звуков возведу.
Признают зори вещью основой
Торжественной поэзии звезду.

К НИКОЛАЮ РЕРИХУ

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Правое слово –
Мой меч и стрела.
В небе лиловом
Вызрела мгла.

По лесу еду
На белом коне.
Бог мне победу
Пророчил во сне.

Ищет вдоль кручи
Дорогу народ.
Враг мой колючий –
Столичный разброд.

Голос мой – воин
В лесной темноте.
Сорок пробоин
На алом щите.

Оду к свободе
Творю для людей.
Вором в народе
Прослыл Соловей.

Враг мой – искусство
Без вещей души.

Вкусов распутство
Засело в глуши.

Стали личины
Приятней лица.
Смех без причины –
Примета глупца.

С выси трибунной
Разносится свист,
Силушкой буйной
Стращает артист.

Свист тот посеял
Облачный страх.
Сердце России
Кипит на весах.

Эхо смятенья
Помчалось на юг.
Эхо сражений –
Шипящий утюг.

Горы Кавказа
Пошли ходуном,
Грея свой разум
От горя вином.

Солнечным оком
Прицелился я...
Словом высоким
Сразу Соловья.

Снова дорога
В лесах оживет.
ИМЕНЕМ Бога
Спасется народ.

СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Лунною жил я мечтою
 Русь оторвать от Христа.
 Трудно дышать под пятою...
 Жгучая тяжесть креста
 Месяц эфирный прогнула,
 Гонит в пустыни врагов.
 Вспышки лесного разгула
 Тушит дождливый покров.
 Скучно мне жить без раздора.
 Рощи да горы одни.
 Мне бы побольше простора!
 Тлели бы схваток огни!
 Беркут серебряный кружит
 В небе, что стонет от ран.
 Пусть полумесяцу служит
 Белых степей океан.
 «Русь под началом Востока!» –
 Душу вскружила мечта.
 Но над Россией стоокой
 Солнце алеет Христа.
 Это светило пустило
 В сердце мне слова стрелу.
 Тело, лишенное силы,
 Рухнуло грузно в золу.
 Снегом, раскисшим, – надежда
 Ниц опустила крыла.
 Застит тяжелые вежды
 Смертного часа смола.

ЗНАМЯ ГРЯДУЩЕГО

(поэт – освободитель)

Пурпурное знамя последнего дня –
 Полотнище Символа веры.
 Оно светонесней и звонче огня.
 Оно – средоточие меры.

Одеюсь вдруг в радугу ИМЯ-ЧИСЛО
 Оплотом горячих столетий.
 Посла многострунное слово спасло,
 Простор, разрывающий сети.

Ответные вихри лирических слов
 Огнем проторили дорогу.
 Поэт, перешивший полотнище в зов,
 Послужит знаменем Богу.

МАЙТРЕЙЯ-ПОБЕДИТЕЛЬ

Гонцы извечного Огня,
 Взойдите на ступени света.
 В январский колокол звеня,
 Нежданно разверните лето!
 Приказ мой: «Вслушайтесь в себя!
 Наладьте рухнувшие звенья!
 Природу мудрую любя,
 Стяжайте гений пробужденья.
 Не говорите: «С нами Бог,
 А те – вселенские изгой!»,
 Средь неизведанных дорог
 Рождались многие герои.
 Творенья таинство признав,
 Единство братское скрепите!
 Лишь *КОРЕНЬ БЛАГА* вечно прав,
 Ведь Он: Поэт, Актер и Зритель.
 Подписан манифест *ХРИСТА*
 Советом межпланетной Лиги.
 Шуршат страничные уста
 Прекрасной стихотворной книги,
 Творящей зов: «Сбылось! Сбылось!
 Полуголодная держава
 Явила огненную ось
 Среди путей пустынных ржавых!
 Восславит Будду иерей.
 Христа почитит смиренный лама.
 Тогда исчезнут тени преи
 Средь ярых лидеров ислама!»

ДЕРЖАТЕЛЬНИЦА МИРА

Владычица, не Ты ль мне даровала Имя
 Еще до времени, до первой искры сна.
 Дорога звездная в мир грез необратима,
 Но Ты мне – твердь от века, вечности Жена.

Храни, храни, о, Мать, наперсника Свободы
 В просторе пепельных снегов и знойных льдов.
 Ты – остов всеединства, Ты – душа природы,
 Ты странников защита и опора вдов.

Надеясь на Тебя, исполнюсь мудрой меры,
 Связав огнем *ЧИСЛА* единый ритм времен,
 И силой творчества, и вдохновенной верой
 В земных низинах воссоздам Твой твердый трон.

ЗВЕЗДА ГЕРОЯ

«Остановись, мгновенье, ты – прекрасно!» –
 Воскликнул Будда в тот великий миг.
 Пространство изменилось. В сердце ясном
 Цепочка прервалась земных интриг.

Шел пятый век до Рождества Христова.
 Спал Гаутама в самом сердце Зова

И пробудился. Да, известно мне,
 Что значит умереть без смерти...
 Из адской дикой круговерти
 Я вырвался на белом скакуне.
 В отверженной обиженной стране
 Рожден я пламенным поэтом,
 Но знает солнце лишь об этом
 Да кедр в древесной тишине.

Свой корень я открыл не сразу,
 Не сразу пробудился Разум,

Не сразу я постиг ЧИСЛО,
 ЛИЦА БОЖЕСТВЕННОГО ИМЯ.
 Светило алое возшло,
 Как Царь, как тайный гений Рима.
 Над бездной, зорями теснимой,
 Поэта вознеслось чело...

Разбился призрак жизни мнимой,
 Разбилось времени стекло.

Сроднившись с огненным Кавказом
 Своим я именем-алмазом

Дал почву снам... Но грустно мне,
 Ведь болью скована планета
 И ждет от вестника ответа,
 Как ей, несущей плод жене,
 На новой не сгореть войне.
 Народы сонные, поверьте,
 Что можно сбросить иго смерти,
 Став новой песней по весне.

Под звездно-золотым покровом
 Открылся месяц полусловом.

В холодных далях лунный лик
 В вопрос прогнулся, в знак неясный:
 «Когда исчезнет век вериг,
 Век бурь, век сумасбродной власти?»

ПРИКАЗ РИГДЕН-ДЖАПО

Пусть слово – зеркало сознания,
 Но не смотри в него, поэт!
 Коль быть творцом твое признание,
 Бери повыше, мой совет.

Не утопай в искристых красках,
 Ища созвучия концы.
 Бери повыше! В ярких масках
 Не ходят вещи певцы.

Не угождай затертым вкусам,
 Бери повыше, мой посол.
 В лазурь с тобою вознесуся,
 Крылатой лирики орел.

Бери повыше, сын эфира,
 Кумир низвергнув ветхих дней.
 Высок морозный пик Памира,
 Но ты над ним свободно рей.

Бери повыше!

.....

АНГЕЛ ПОСЛЕДНИЙ

Рисуя крест
 Взошло светило.
 Вновь благовест
 Земля взрастила.
 Расцвел поэт
 Тюльпаном Слова.
 Им Свет воспет,
 Огня Основа:

«Жив Кормчий бытия! Жив Властелин любви,
 Разбивший адов корень силой воскресенья.
 Прошу, Творец, простор подлунный обнови
 Премирным духом братства, музыкой весенней!

Проснись, ХРИСТОС,
 Ударь в колокола!
 Я ТВОЙ вопрос,
 ТВОЙ вестник алый.
 Мне ль навзничь пасть
 Пред ветром СЛАВЫ?
 Имею власть
 Столетья главы
 Перекроить.
 Кто остановит
 Вещанья прыть,
 Что дышит новью?
 Пьет человек
 Кровь искупленья,

Прошел злой век,
Век тьмы и плена.
Рисуя крест,
Взошло светило.
Вновь благовест
Земля взрастила.

ИЗ КНИГИ
«АНДРЕЕВСКИЙ СТЯГ»

SOS

Памяти «Курска»

Земля, Земля, упала ты на дно
Подводной лодкой, раненной в бока.
Удар. Ужасный взрыв. В глазах темно.
Сердца рванула адова рука.

Враждебных сил столкнулись лбы.
Сигналом SOS , сигналом SOS вопрос
Завис: «Спасемся ли? Спаси, Христос!
С надломленным ребром судьбы
В пучинный сели мрак. Хоть бы
Откликнулись на наш сигнал.
Стихийных сил оскал
Отсеки превратил в гробы.

Нашли, должно быть, нас... Пыхтит насос.
«На SOS!» – без устали твердит матрос.

Кто виноват? Виновник – океан
Вина... Мы в перекисшей жи –
Жидкости живем. Насилия титан
Навел на взор туман... В потоке лжи
Идет слепое сердце на таран.

Земля, Земля, ты вновь на дне...
Дрожишь в агонии, душа в огне.

Крушенья рог боднул тебя под дых.
 Кольнула душу мысль: пришел конец!
 Но в сердце вновь проговорил Творец:
 «Воспрянь, планета! В снах Моих
 Уж грозный шторм и ветер стих.
 Твои ушибы песней залечу.
 Дщерь, поднимись, зажги любви свечу
 Царицей жизни средь подруг слепых.

Пробоины я сталью залатаю.
 Услышан возглас Твой: «Спаситель, SOS!»
 Найдешь свою в подлунном мире стаю.
 Лети средь звезд, планета-альбатрос!»

АНДРЕЕВСКИЙ СТЯГ

Андреевский стяг развивается ныне
 На древе российском, над бездною плах...
 Пробился родник в изнуренной пустыне,
 Как слезы любви на прозревших глазах.

АПОСТОЛЬСКИЙ ДУХ пробуждается снова,
 В сознании русском наметив свой путь,
 Чтоб в сердце дремучей планеты вдохнуть
 Огонь числовой всеединого слова.
 Слетела с копыта столетий подкова,
 Великою вестью в пространстве звеня.
 Вдыхая рассветные струи огня,
 Посыпались звезды с ночного покрова.

«Да здравствует Рим и его император!» –
 Кричит Колизей... И немой гладиатор

Выходит с копьем на косматого льва.
 Мы были посмешищем гордого Рима
 За то, что клеймили страстей жернова,
 За то, что хвалили Господнее Имя,
 Чеканя Божественной Вести слова.

Зверьем нас травили, пытали и жгли
 За то, что мы сделались солью Земли.

И ныне я с вестью ступил на арену.
 Пред взором моим – заколдованный круг.
 И жаждет толпа искупительных мук,
 Кормя золотыми сердцами геенну.
 Открылся Источник... Немеркнувший гений
 Глагольною пикой медведя пронзил.
 И древний хозяин лесов и могил
 Отдал восходящему времени пени.

Андреевский стяг развивается ныне
 На древе российском, над бездною плах...
 Пробился родник в изнуренной пустыне,
 Как слезы любви на прозревших глазах.

РОССИЯ

Дано тебе, как встарь, Россия,
 Быть меж народами мостом.
 Стоишь ты пред своим крестом,
 Как неприкаянный Мессия.

Стоишь на острие тропы
 И нет назад тебе возврата.
 Поднялся крест в лучах заката
 Под улюлюканье толпы.
 И так же дерзки и слепы
 В той хищной массе фарисеи,
 Но твой призыв уже рассеян
 И ждут свой страдный час серпы.

Вознесся крик твой: «Авва Отче!»,
 Вдруг тучи разорвав на клочья.

И на кресте повисла ты,
 Дыша Христовою молитвой.
 Все вехи, алые пути
 Последней поглотились битвой.
 Сожглись вдруг за спиной мосты.

И вереница всех столетий
 Тебе открылась перед смертью.

Баталий старых взвился рок:
 Рвут землю немцы, турки, ляхи,
 От крови заалели плахи
 И мятежей бурлит поток.
 Разбойник слева есть Восток,
 Разбойник справа – Запал сродный.
 Он молвит едко: «Сын Господний,
 Спаси Себя, коль Ты – Пророк!»

Агонией народ охвачен...
 Хитон уходит с молотка...
 А на кресте Спаситель плачет
 И просит винного глотка.

ОРФЕЙ-ИСПОВЕДНИК

поэма

*Обнимая землю,
 Песнь цветет бутоном.
 Лишь любовь приемлю
 В вещем перезвоне.*

1

Кружится над полем
 Гимн мой, словно кречет.
 Он душой веселой
 Хворь столетий лечит.

Я хвалю высоты
 И Земли низины.
 Выси – света соты.
 Звуки – слов корзины.

Я рожден поэтом
 С солнечной улыбкой,
 Только в мире ветхом,
 В мире слишком зыбком.

2

Сотворились песней
 Новые скрижали.

В небе луч воскресный
Одой тьму ужалил.

Приклонились звезды,
Чтобы слышать слово,
Спелых гимнов грозди
Собирая снова.

На вселенской лире
Заиграли всходы:
«Пойте! в дольном мире
Зреет плод свободы!»

3

Васильки, ромашки
Целовали барда:
«Он рожден в рубашке,
На челе – кокарда». –

«Разве он военный? –
Вопрошали ивы. –
Голос вдохновенный
Бороздит ли нивы?

Не кокарда это,
А бутон гвоздики.
Но в душе поэта
Рифмы, словно пики».

4

«Чем его утешить, –
Прошептали розы, –

Чтобы делом грешным
Не навлек он грозы?»

Посерело небо.
Почернело море.
За краюху хлеба
Ветер служит в хоре.

Он фальшивит всё же,
Не поет, а свищет.
Странно, смерч, но в коже,
Царь высот, а нищий.

5

Тут к Владыке света
Обратились люди:
«Ты лишь, Царь Завета,
В день Свой всех рассудишь!

Вторим мы Орфею,
Заточив вопросы,
Приведем вдруг фею
К пастырю за косы:

«Ты зачем от скуки
Ворожила смертных,
Черною наукой
Смяв Христову веру?

6

Под личиной Дамы
Для чего ты шало

Знойными духами
Путников прельщала?»

Вдруг над шапкой леса
Бард чихнул в ладони.
Лопнула завеса
В храме над иконой.

С гор слетела шапка,
Покатилась в кручу.
Ветер взял в охапку
Дождевую тучу.

7

По полям, по нивам
Полетела песня,
Взвевая зов счастливый,
Солнца клич воскресный.

Это слог-ребенок
Развернулся в Имя
И сосет с пеленок
Солнечное вымя.

Этот слог слоненком
Протрубил, как с горна.
Тут же в небе тонком
Взор прозрел озерный.

8

Этот слог, как ветер,
Веет в чудном свете

Отголоском вещим
Золотого лета.

Он – сиянье смеха
На устах природы.
С кромки неба съехал
Месяц прямо в воду.

Набежали волны
На страничный берег.
Звон прибоя полон
Песенным размером.

9

И пошло то эхо,
Эхо славной лиры
Колесить со смехом
По просторам мира.

Слово – силы слепок,
Отраженье славы.
Без узлов, без крепок
Дописались главы.

Это слог Орфея
Запылал глаголом,
Птицей вести рея
Над колючим полем.

10

Встрепенулись змеи,
Удивились люди:

«Разве бард изменит
Миторные будни?»

Восхитимся вместе
Этой смелой ноте,
Этой белой вести
В звонкой позолоте.

Каменные глыбы
Он глаголом рушит.
С волн косятся рыбы
На пожары суши.

11

Музыкой спасенья
Заиграли горы.
На ветвях весенних
Ткет заря узоры.

Даже зверь косматый
Стал добрей и кротче.
С голода волчата
Уж клыки не точат.

Возопили тигры
С покаяньем в небо:
«С тьмой оставим игры!
Будем сыты хлебом!»

12

По эфирной бровке
Поползли кометы:

«Божьи, глянь, коровки!» –
Закричали дети.

Улыбнулись звезды
Золотым мерцаньем,
Вспыхнули, как розы,
В небе расцветая.

Срезал ловкой дланью
Розу звезд Художник.
Загадал желанье
Кто-то из прохожих.

13

Веселей на весла
Нажимают зори.
Солнце, словно ослик,
Тянет свет свой в гору,

Славит песнь Орфея
Мудрую природу.
Годы в кольцах змея
Колесят по своду.

В каждой клетке славить
Вечный гений Бога
Это – жребий правый
На прямой дороге.

14

Музыку спасенья
На рояле слова

Сочиняет гений
Огненного зова.

Клавиши столетий
Под руками пляшут.
Кровь царя поэтов
Наполняет чашу.

У креста солдаты
Разыграли жребий.
Дух певца крылатый
Взвился птицей в небо.

15

Луч прозрел в природе,
Луч преображенья.
Ткань ветвей бесплодных
Жжет резец железный.

Время, вспомнив точно,
Что оно есть лекарь,
Сделало примочки
Вестнику на веки.

Судит всех искусство,
Истинное слово.
Тонкой правды чувство
Стало вдруг основой.

16

Но лакают с лужи
Грозные воры.

Им Орфей не нужен,
Новых зорь просторы.

Их смущает всадник
С белоснежным флагом.
Серых змей рассадник
Дышит винной влагой.

Вождь зверей в овраге
Созывает сходку,
Черной крови брагу
Запивая водкой.

17

«Чем Орфей опасен? –
Прошипели кобры. –
Взор поэта ясен,
Дух высок и добр.

Да к тому же кожа
У него земная,
Хоть уста, как ножны,
Речь мечом сверкает.

Сын он человеческий,
Крепкий ствол природы,
Но Творцом отмечен
Как пророк свободы».

18

«Тем он и опасен, –
Вдруг вмешались выдры, –

Что пророчит властно,
Дух в нём зорче гидры.

И во тьме он даже
Видит сердцем ямы.
Вещий слог не свяжешь
Скользкими словами.

Как ударит в бубны,
В звонкие кимвалы,
Мир пещер погубит,
Содрогнутся скалы.

19

Задрожат дубочки,
Берега и горы.
На лесной сорочке
Выцветут узоры.

И в тисках разброда,
Ход веков нарушив,
Запылают воды,
Наводнится суша.

Не помогут норы,
Рытвины и щели.
Смерчи, как поморы,
Пробегут по мели.

20

Музыка смятенья
Охватила нивы.

На шелка растений
Плач излили ивы.

Улыбнулся криво
Месяц полусонный,
Будто пил он пиво
Или сок лимонный.

А ночное море
Лунный ром глотнуло,
Может быть от горя,
Может от загула.

21

Музыка смятенья
Города вскружила
Солнечным цветеньем,
Сущей вещей силой.

«Кто уймет поэта? –
Зашумели люди. –
Не конец ли это,
День пророков судный?»

Кто он, звезд посланец,
Славный небожитель,
Или самозванец
На паучьих нитях?

22

Может он апостол
Под искусным гримом

И пришел к нам в гости
Новым пилигримом?

Лишь ему под силу
Разрешить все споры,
Снять покровы пыли
С книг немym укором.

Только сын небесный
Знает вехи сердца.
Примирит он песней
Гордых иноверцев.

23

Может он Никола,
Смятый красной бурей,
Ищет тень престола
В зеркале лазури?

Как с орлом великим
Поступили смерды?
Оглушили пикой,
Привязали к тверди.

Прохрипели в храмах
Дымные матросы:
«Пусть покурят пастырь
С нами папиросы!»

24

Но сейчас Николе
Власть опять не светит...

На российском поле
Бизнесмен в карете.

Даже ветер даром
Не нагонит тучи.
Он базарным жаром,
Склоками закручен.

С каждым вздохом шумным
Городских брожений
Копит смерч безумье
Пред своим смятеньем.

25

Не вернет корону
Наш монарх распятый.
На пиру вороньем
Беркут – враг заклыйтый.

Прокатилась драка.
Всюду груды пищи.
Не поймешь, однако,
Кто богач, кто нищий.

Лихорадят души
Встряски переделов.
Ныне бить в баклуши
Тоже стало делом.

26

Лишь ОРФЕЙ СТООКИЙ
В этой суматохе

Не вдыхает склоки,
Не стяжает крохи,

Говорит о главном
Песенным набатом.
Кровь в бою неравном
Каплет свод закатный.

Даже до столицы
Звон дошел кристальный.
Прояснились лица
У людей печальных.

27

На кремлевской башне
Вспять помчались стрелки,
Клича день вчерашний,
Странные проделки.

«Ленин встал из гроба! –
Люди в барда тычут. –
В новой лишь утробе
Та ж проснулась личность.

За простые массы
Вырос он горою.
Стяг сошьем мы красный
Новому герою!

28

Не дадим державу
Распродать буржуйам,

С властью денег ржавой,
С тьмой страстей воюя.

Дикий мир помешан
На торговле грубой.
Грач купил скворечник
В полцены у дуба.

Недра просят воду.
Но не зреет туча.
Огненные своды
За долги их мучат.

29

Катится монетой
Желтый шар в закату...
Подсчитали смету
Звезды-демократы,

Лишь одни убытки
На весах у неба.
Золотые слитки
Жуйте вместо хлеба!

Нет угля и газа
В животе планеты.
Выси лунным глазом
Сквозь туманы светят.

30

Но Орфея соло
Есть лишь весть вселенной.

Он не царь Никола.
Он не гневный Ленин.

В нём живет удача
Отголоском Бога,
Жнец от счастья плачет
На перине стога.

Нет в ПРОСТОРЕ – смерти,
Диких будней пытки.
Песней жизнь измерьте,
Люди, с преизбытком.

31

Со сверчками вместе
Пишет бард поэму
И подходит тесто
Лучезарной темы.

Тема – песнь спасенья
В человеческих душах.
На листах осенних
Строф поспели груши.

Приглашаю к пиру
Всех друзей сердечных,
Под звучанье лиры
В пуп целую вечность.

32

Под венец с абреком –
Это вам не шутки.

Доросли до века
В зимнем небе сутки.

Свадебные слезы,
Опершись на скалы,
Разливают звезды
В звонкие бокалы.

Забурлили тосты
На устах столетий.
Поздравляют гости
Вещего поэта.

33

Музыкой спасенья
Мир охвачен снова.
В зорях воскресенья
Рдеет роза зова.

Пойте праздник Духа,
Дивные народы.
Песня-повитуха
Внемлет плач свободы.

Истой веры время
Свило Божье лето.
Снято ныне бремя
С молодой планеты.

ДОГОВОР

Мы – рать солнценосцев на пупе земном –
 Воздвигнем столбашенный, пламенный дом:
 Китай и Европа, и Север и Юг
 Сойдутся в чертог хороводом подруг,
 Чтоб бездну с зенитом в одно сочетать.
 Им Бог – восприемник, Россия же – мать.

Николай Клюев «Песнь солнценосца»

1

АПСНЫ¹

Не тщетно ль, Сущий, уа рада,²
 Страной Души назвав меня,
 Явил ты истинной наградой
 Жрецам Аныхи³ путь Огня.
 Был край мой горних сил усладой,
 Твой зов, Твой жезл, Твой свет храня.
 Теперь мой рок – тропой абрека
 Брести по золам злого века.

¹ Апсны (Страна Души, абх.) – этноним Абхазии.

² Уа рада – непереводаемый рефрен в абхазских песнях.

³ Аныха (абх.) – Божественная энергия.

ТВОРЕЦ

Люблю тебя, Мой первый колос,
 Страна Души, Страна Добра.
 До Ноя зрел спасенья голос,
 Пророчеств разрослась гора.
 Хоть чаша братства раскололась,
 Войной кавказскою горя,
 Вновь нарт Сасрыква¹ явит слово
 Моей заветною основой.

2

ЕГИПЕТ

Воскликну я, кричать не смея!
 Притопну, не имея ног!
 Я помню бурю Моисея,
 Когда явился ярый Бог!
 Он смерть, Он страх, Он беды сеял
 Среди египетских дорог.
 Боюсь Тебя, Владыка Сущий,
 Грозу за пазухой несущий.

ТВОРЕЦ

Люблю тебя, о, Жрец примерный,
 Твой голос, сжатый немотой.
 Не ты ль, Египет, песня веры?
 Не ты ли выход в небо Мой?

¹ Сасрыква – герой абхазского народного эпоса.

Я освещу в тот год пещеры.
Сразится Корень зорь с зимой.
Тебя возьму Я на ладони,
Омою вечностью бездонной.

3

ИЗРАИЛЬ

Я помню первое Свиданье
В объятьях горного луча...
Проникся Авраам призываньем,
Зажегся верой, как свеча.
Но я разрушил правды зданье,
Надев личину палача.
Посланца бросив на распятие,
Навлек Господнее проклятье.

ТВОРЕЦ

Люблю тебя, народ Завета,
Твою венчальную звезду.
Но обратил ты праздник лета,
Победу Истины в беду,
Денницу – в лед, зарю – в комету,
А ветер песенный в узду.
Восстанешь ли на Луч как прежде,
Встречая Вестника надежды?

4

ИНДИЯ

Никто есть Бог, иль царь Он правый?
Нигде Извечный, иль во всём?

Как избежать путей кровавых,
Скользя вопроса острием
По коже мыслей? Мир протравлен
Дыханьем Майи, явным сном.
Для духа жизнь есть заточенье,
По замкнутым путям течение.

ТВОРЕЦ

Люблю тебя, звезда востока,
Индуcский дух, индуcский мир,
Твое возвышенное око,
Что глубже солнца зрит эфир.
В последний день, в тот день Пророка
Падет вселенских грез кумир...
Христовый луч тогда приемля,
Восхвалишь ты святую землю.

5

КИТАЙ

Есть путь. Но есть и путы тела –
Желаний сладостная сеть.
Так, бросив в почву семя дела,
Молчаньем мысленным ответь
На дождь вопросов оголтелых,
Что хлещут душу, словно плеть.
Земля – ловушка для сознания,
Источник ложного призванья.

ТВОРЕЦ

Люблю тебя, Китай великий,
 Полет твой твердый над горой.
 Люблю твой гений многоликий
 И сердца пламенный настрой.
 Вникая в Слово, мир сей дикий
 Теперь вниманьем удостой.
 На месте склочной полуночи
 Пробьется солнечный Источник.

6

ЭЛЛАДА

Взываю к Разуму, о, греки,
 К Основе вещей бытия:
 Как рок изжить? Как распрей реки
 Пресечь на веки? Коли я
 Смогу взять в шоры Смерти веки,
 То жизнь мне – блага коля,
 Уверовав в Геракла гений,
 Пред бездной стану ль на колени?

ТВОРЕЦ

Люблю тебя, страна поэтов,
 Страна апостольской весны.
 Ты возвестила всей планете
 На гребне вековой войны
 Спасенье мира, соль Завета,
 Развевая сумрачные сны.
 О! разве Я нарушу слово?
 Войду в сердца победной новью.

7

РИМ

Ревело эхо, сея горе:
 При-шел! У-ви-дел! По-бе-дил!
 «Sta, sta, Romanus!»¹ – пели горы,
 Кипели реки, ветер выл.
 Но я мечом ломал затворы,
 Щитом вселенную накрыл...
 Затмив свой разум бойней дикой,
 Обрек на смерть Христа Владыку.

ТВОРЕЦ

Люблю тебя, о, город Славы,
 Твой твердый шаг, твой гордый дух.
 Ты искупил свой грех кровавый,
 Связав с Христом сердечный слух.
 Прозренья крылья вдруг расправив,
 Восхвалишь ты, церковей пастух,
 Втройне Творца, сменя будни.
 В последнем веке это будет.

8

ИСЛАМСКАЯ АЗИЯ

Клянусь весенним виноградом,
 Клянусь верблюдицей, Аллах,
 Клянусь Мединой и Багдадом,

¹ Стой, стой, римлянин (лат.)

Неверным предвещая крах,
 Что станет мир исламским садом.
 Махди, вселенский падишах,
 Подкосит злую быль под корни,
 Открыв сердцам Твой отсвет горний!

ТВОРЕЦ

Люблю тебя, зеница веры,
 Аравия, страна Посла.
 Кляня язычества химеры,
 Ты розой духа расцвела.
 Но знай, что снова пионеры,
 Как предвозвестники Числа
 Пройдут по Азии и Югу,
 НЕСЯ АПОСТОЛЬСКУЮ ВЬЮГУ!!!

9

РОССИЯ

В горах неверья, в рощах веры
 Бреду ли в дебри, чуда ль жду?
 Спаси, о Мать! Где те двери,
 Что отведут от нас беду?
 Мы, новой эры пионеры,
 Готовы к вещему труду.
 Явись, Владыка! Нет, не всуе
 Ты зов растил: «Весь мир спасу Я!»

ТВОРЕЦ

Люблю тебя, держава света,
 Россия, родина Огня.

Язык твой – кузня для поэта.
 Вновь слово-меч зовет Меня.
 Глагольным молотом прогрета
 Имен Божественных броня.
 Обвившись предвозвестья стягом,
 Мосты раскинешь над оврагом!

10

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МИР

Прекрасней мира – мир сердечный.
 Прекрасней света – сущий свет.
 О, ветер блага, ветер встречный,
 Веди фрегат родных планет
 По морю музыки извечной.
 Да подтвердит любви Поэт,
 Что братства гимн – спасенья вежа
 И флагман Золотого века.

ТВОРЕЦ

Вы, вы взмолились... Я вам вторю...
 Вы, вы пропели в унисон.
 Пусть радуга, скользя по морю,
 С землею свяжет небосклон.
 До высшей точки свет ускорю
 И станет явью белый сон.
Не будет в новом мире вора!!!
И в этом корень Договора!!!

ИЗ КНИГИ
«КАВКАЗ – ХРАНИТЕЛЬ ТАЙНЫ»

ОБЕТОВАННЫЙ КРАЙ

«Быть миру...» – тихо звезды пели,
Полей заоблачных цветы.
Земля Адама, не к тебе ли
Я шел по Млечному Пути,
Где средь бурьяна розой белой
Велел мне Сущий расцвести?
И стал мне чудной колыбелью,
Кавказ, песчаный берег твой,
Взрастивший голос, колос спелый
Моих поэм сквозь вещей зной.
И звуков огрубевших груды
Вдруг собралась в органнй строй.
Взошло лирическое чудо
Моей пророческой звездой.
Здесь братья Полидевк и Кастор
Мой город основали вдруг...
С Израиля незримый Пастырь
Повел к славянам Славы круг.
Никто не срежет эти веи,
Творца незыблемый Указ.
Несет Христовой Вести эхо
Как встарь апостольский Кавказ.

ЭХО ВОЙНЫ

Доля, доля твоя непростая
 Гор–дели–вы–й могучий Кавказ.
 Песнопений нежданная стая
 Засверкала, как царский алмаз.

Под короною гор величавых
 Колокольный ваяешь ты звон,
 И, устав от эпической яви,
 Погружаешься в песенный сон.

И солдаты, как ярые волки,
 Заклинают безумие битв,
 Извлекая из сердца осколки
 Под горячие вздохи молитв.

Утомленный от огненных вспышек
 Стонешь в гротах душой грозовой,
 И кровавыми струями пишешь
 Волчий гимн, волчий вальс, волчий вой.

Подожди будоражить стремнины
 Канонадой вакхических гроз.
 Из болотного днища, из тины
 Чудный лотос любви произрос.

КАВКАЗ – ХРАНИТЕЛЬ ТАЙНЫ

Вновь смоковница дарит плоды,
 Капля наземь сентябрьским медом.
 Это – время заветной страды
 Под тревожно немим небосводом.
 В эти ранние осени дни
 Дышат вечностью звонкие кроны.
 Пробивают дорогу они
 В царство света, минуя препоны.
 Восходящий достоин вкусить
 Виноградную сладость экстаза.
 Ариадны священная нить
 Обвивает пещеры Кавказа.
 Пусть зияет колючий овраг
 Под пятами глашатая веры...
 До вершины остался лишь шаг,
 И откроются вечности двери.
 Восходящий достоин дойти
 До зеркального пика столетий.
 Вновь смоковница дарит плоды,
 Капля медом уснувшего лета.

ЮДОЛЬ ПЛАЧА

Посвящается жителям Беслана

Этот вечер не вечер, а сумрак заклый.
Я представить не смог бы и в грезах никак,
Что способна гора горевать на закате,
Собирая всю волю в гранитный кулак.

Эти стоны не стоны, а рев водопада,
Что ошпарился вихрями свитыми в боль.
Терроризма разгул – пробуждение ада.
Превратился Кавказ в грозовую юдоль.

Эти слезы – не слезы, а жалобы моря,
Разожженного жаждой и жаркой водой.
Разыгрались шторма материнского горя,
Набегая на землю безбрежной бедой.

Разве выразить горечь смятения стихами?
Первый раз восстаю на лирический слог.
Первый раз зарекаюсь не сыпать словами
На кровавый ковер разобщенных дорог.

НА ОЗЕРЕ РИЦА

На озере Рица искрится вода
В уборе осеннего света,
И горных вершин золотая гряда
Тем песенным светом прогрета.

Мне озеро Рица царицей озер
Представилось солнечным утром,
Так чудно оно восхитило мой взор,
Играя в лучах перламутром.

Сюда приходил Иоанн Златоуст
По тропам апостольских бдений
И видел у берега огненный куст
В объятьях эфирных горений.

Здесь в высь устремился волшебный Кавказ
Душой горделиво-угрюмой
И силится ветров дождливую вязь
Распутать гранитную думой.

Здесь алой лавандой всплывает Луна
В угоду встревоженным совам.
Поэмою ночи лучится она
В уборе торжественно новом.

На озере Рица вздыхает гора
О горнем прозрачном просторе,

Где в свете бездонном любви и добра
Клубится словесное море.

Здесь новыми ритмами вяжет года
Волшебная лира поэта.
На озере Рица искрится вода
Предвестницей вечного лета.

В БОТАНИЧЕСКОМ САДУ

В дупле столетней липы чуть дыша,
Я затаился для стихов, для бденья...
И слышала древесная душа
Моих молитв святое пробужденье.

Симфонией любви налился сад...
И ветер вдоль аллеи промчался пьяный,
На клавишах ветвей рождая лад,
Как будто б ряд словесный – фортепьяно.

Игривый щебет многострунных птиц
Преобразился в перезвон элегий,
Подслушав голоса моих страниц,
Моих поэм, объятых вещей негой.

Вдруг лotosовых листьев изумруд
Поймал в кольцо углы ночных мгновений,
Воспев со мной святого солнца труд
И полноту божественных свершений.

ИЗ КНИГИ «ГРОЗОВЫЕ СЛЕЗЫ ОТЧИЗНЫ»

СЛАВНАЯ ПАМЯТЬ

Александр Бардодыму

Берег сурового моря,
Барда лирический дым...
Пляшет на сцене раздора
С былью смешавшийся мим.

Краски безумия... маски
Свет затмевают лица.
Ехать на смерть без опаски
Совесть призвала бойца.

Рыщут снаряды, как волки,
В воздухе знойной зимы,
Сея на крышах осколки
Пальцами солнечной тьмы.

Дикая сила металла
Пот выжимает с плиты...
Там посреди перевала
В небо взметнулись пути...

С именем грозным Аллаха
Пули вдоль кручи свистят.

Черная смерть-росомаха
Режет косою ягнят.

Пишет, Спасителю вторя,
Кровью по снам золотым
Берег сурового моря,
Барда лирический дым.

Лопнула с болью гитара,
Выронив песню в глуши:
«Верю в бессмертие дара,
Верю в бессмертье души!»

ОАЗИС БОГА

Не устаю тебя любить
Страна Души, оазис Бога...
Всё принимаю: трудный быт,
Вид площадей больных убогих.

Трущобы, серые дома
Без крыш и без дверей железных.
Легко уютится в них зима,
Хозяйка в норах бесполезных.

Здесь проползла змеей война
Послом страстей по тихим селам.
Я помню тот вокал огня,
То оглушительное соло!

Теперь опять цветут сады,
Сверкают золотом лимоны,
Как будто б не было беды,
По травам не стелились стоны.

Всё также трепетен прибой,
Прибрежный шорох водной шали.
«О море, песню света пой...» –
Вдруг ивы дружно прошептали.

Завороженная вода
Прониклась музыкой призыва.

«Стелилась здесь ковром беда...» –
У стел прошелестела ива.

И пальмы стали на ветру
Оркестру моря тихо вторить.
Как дивно слышать по утру
Молитвы лиственных просторов!

Страна Любви, страна Огня,
Хранишь ты летопись спасенья.
Набатом солнечным звеня,
Летит вдоль улиц зов весенний.

Вошла бессменная весна
В просторы стуж и льда, и хлада,
И греет аромат вина
Листочки плачущего сада.

Как будто б вижу первый раз
Я эти рощи, это море.
Ты – сказка, солнечный Кавказ,
Ты – песня в золотом просторе.

ВЕТЕР УГРОЗ

Одной поэзией дышать,
 Оною музыкой пророчеств
 Возможно ль, если рядом тать
 И вихорь мщенья когти точит?

Граница вся наперекос...
 И ос усилилось жужжанье...
 Еще не сникло эхо гроз,
 Осколков бешеных жужжанье.

Здесь диким призраком война,
 Как неприкаянная бродит.
 Прожгла свою судьбу она
 И ищет пепельные годы.

«В чью кость мне влезть,
 в чем ум войти?» –
 Войны вопрос пополз по полю. –
 В кого враждебные пути
 Вдохнуть и грозовую волю?»

Так, хлопнув дверью, разошлась
 По селам тень слепого гнева,
 Суля лихим солдатам власть,
 Палаты вместе нор и хлева.

Разросся черных смерчей рой,
 Летя в ночи дорогой мести,
 Круша воздушною горой
 Враждой бурлящие предместья.

Так в знойной тьме метеорит
 Таранит утренние звезды,
 Так ствол пораненный трещит,
 Пугая птиц в весенних гнездах.

Твержу ему: «Смири свой пыл...
 Увлекся ты, безумный ветер,
 Играясь ножницами крыл!»
 Но ярым шумом он ответил.

И словно вертел на углях,
 Тот ветер закипел угрозой,
 Отвергнув речь мою в стихах,
 И резанул по морю прозой.

ПЛАЧУЩЕЕ МОРЕ

А вы знаете, море не лжет,
Когда плачет у ног валунов,
Когда слезы соленые льет
На горячую кожу песков.
И стихии глубокой живой
Боль душевную надо излить.
То ли плач, то ли ветреный вой
Взялся раны Земли бередить...
Это сердце рыдает воды,
От мазутных когтей почернев.
Грузный танкер под шлейфом звезды
Зарычал, как рассерженный лев.
Но ни сонный моряк, ни матрос,
Ни прохожий с сигарой в руках
Плачем волн, переросшим в вопрос,
Не прониклись... Лишь месяц-монах
Всхлип морской перевел на язык
Полнозвучных небесных молитв.
Он давно к буйству смерти привык,
К штормовой вакханалии битв.
Я утешить стихию спешу
Откровением третьей волны.
«Тише, тише, – я чаек прошу, –
Не мутите счастливые сны.
Ведь я вижу в них тайну морей
На ладонях последнего дня:
Среди водных поющих зыбей
Вдруг прорежется древо Огня».

МОЛИТВЕННЫЙ СОНЕТ

Прошу молитвенным сонетом,
Тебя, Владыка Сущих сил,
Чтоб жар угроз ты погасил
И раж пожарищ пред поэтом.

В просторе, гневом перегретом,
Смятенья смерч опять завыл,
Среди полуночных светил
Солдатским замелькал беретом.

Прошу, Творец, отсей войну
На решетке народных песен,
Слепому мщенья волну

Уйми! Владыка поднебесной,
Ты в шлеме шел средь туч не раз,
Спасая пламенный Кавказ.

ГОРОД, ВСТРЕЧАЮЩИЙ РАССВЕТ

1

Я, ведомый бездомной луной,
 Захмелел в винном сне октября.
 Древний город, изрытый войной,
 Как пробитая пикой броня,
 Вдруг покрылся кровавою мглой.
 Среди пальм, среди плачущих ив,
 В темном парке свечу обронив,
 Принял кряж я под мшистой сосной
 За покрытый золой аналой.
 Здесь ни зги... Розги лавровых веток
 Вьются медленно в лунную даль.
 Даже звезды как будто б из клеток,
 Излучают ночную печаль.
 Тайну сна грубым словом встревожив,
 В скользком сумраке ветры ревут,
 На восточный мантры похожи.
 Это голос прохожих, как кнут,
 Прокатился по облачной коже.
 Прогорела недавно война
 И затухла, как горький огарок.
 Драма города слишком ясна
 Без подробных и пестрых ремарок.
 Тихо льется молитвенный стих,
 Сотворенный рокошущим морем.

В этом городе много больных,
 Беспризорных и сломленных горем...
 В их сердцах пламень песенный стих.
 Призван с призрачной былью бороться,
 С ветхим словом поэт... Мне дано
 Черпать духом из чудо-колодца
 Вдохновенных прозрений вино.
 Перемолото время раздора...
 Вновь пою славословье труду.
 Посреди огневого простора
 Вижу нового века звезду.

2

Возвращаюсь домой
 По опавшей листве.
 Солнце борется с тьмой,
 Капли рос на траве.
 Занялась вдруг заря
 В свете нового дня,
 Птицей жизни паря
 В оперенье огня.
 До свиданья, луна.
 Ночь-подруга, прощай.
 Отшумела война.
 Пробудился мой край.
 Здравствуй, Солнца восход,
 Гений белой нови.
 Твой затворник-народ
 Стал пророком любви.

ЖАЛО СМЕРТИ

О проба тьмы! У гроба мать... но оба там мертвы:
Ее убила весть, его – снаряд врага.
Он к Солнцу шел по нитям снов и пал в ночи... Увы!
Покрылись шрамами речные берега.

Потух уж он и глух, и сном, и льдом повит.
Взирает дух его на серый воск ланит.

И губы грубы уж... Тужит, кружит душа
И треплет прах она, полна недоуменья.
И тщетно шлет родным рулады утешенья.
Так жаром желчных нег раскованно дыша,
Взлетела тела тень, стена и спеша...
Вот гроб... и он лежит. Свеча в углу пылает.
Последняя звезда в бездонном небе тает,
Задев рассветным шлейфом стебель камыша.

Вот ветер раскачал скрипящие качели,
Как будто б древо сохлое играет на свирели.

Смятенья весть несет прибрежная волна,
О берег бьется, плача неустанно,
И, музыку разброда сообщая рьяно,
Танцует между скал с подружками она.

Нежданно лопнула органная струна...
Толпа друзей идет, вздыхает полупьяно

И прах к крестам несет... Гудит родня у дна,
Зовет усопшего, зовет самообманно.

.....
.....

Но вдруг ушел мой друг... Пробил несчастья час.

.....
.....

И вот воззвал его, воззвал нездешний глас.

.....

И жаром желчных нег раскованно дыша,
Взлетела тела тень, стена и спеша,
Спеша, спеша сквозь круг в края иных прикрас...

Погас земной огонь, полдневный свет погас.

ПАЛЬМА

Закат, последний луч сжигая,
 Умерил ярый пыл солдат...
 Они играли в центре рая
 Свой марш на клавишах лопат.

Стенала пальма... ведь пред нею
 Сужался пограничный круг..

.....

Мгновенный молнийный испуг
 Прожег ей душу. С корнем вдруг
 Деревьев южных орхидею

Изъяли люди из земли
 И в сад другой перенесли.

.....

И вот похищенной невестой
 Стоит она на новом месте.

Тоскует пальма... Душно здесь –
 На пыльной кафельной площадке.

Разносят кофе полусладкий
 Прохожих руки, души – спесь.
 Не слышат люди грусти песнь,
 Древесную молитву плача,
 Ведь четко решена задача:
 Посажен ствол... и сказ вам весь.

А листьев изумрудных лепет,
 Кристальный крик, зеркальный зов
 Моя душа стихами лепит
 И вторит дереву без слов.

СХВАТКА ЗА ГОРОД БРАТСТВА*акростих*

Корабль войны по душам плыл...
 Арго огромным рогом горя
 Сверкал в руках ночных светил.
 Топтал расшатанные горы
 Огонь войны... поверх могил
 Резвился ветер непокорный.

Печальный город изнывал
 От громовых раскатов мести.
 Лилась по каскам кровь... Штурвал
 И весла упустил наместник,
 Дрожа, крича в ночи: «Аврал!» –
 Едва услышав шторма песню.
 Взорвал мосты девятый вал,
 К луне вздымаясь в мире тесном.

Казалось, городу не жить...
 Апсны, от встрясок расползаясь,
 Скрестила алые ножи,
 Тараня танки... твердь земная
 Отягощалась ото лжи,
 Ростки безумья пожиная.

Просила древняя земля:
 «Очнитесь, дети Диоскуров!»

Лик, накаляя до бела,
 Источник солнечной лазури
 Двух братьев вывел из Числа,
 Елеем их кропя... Из бури
 Вещал Творец и вел посла
 К народам вспылчивым и хмурым.

«Кто эти братья?» – вот вопрос.
 Арго хранитель этой тайны.
 Сияет светом чистых рос
 Твердыня вести изначальной.
 Ответ из Храма произрос,
 Расцветший музыкой венчальной.

Последний век – прямой ответ,
 Ответ на древнее сказанье.
 Ласкает слух зари поэт
 Игрой на лире. Взвилось знамя
 Двух братьев, пробудивших Весть:
 «Есть Путь как высшее призванье –
 В сердцах изжить тлетворный крест,
 Крест диких чувств, крест увяданья».

Кровавый смерч умчался вдаль
 Артиллерийским жутким гулом...
 Столица, сняв с себя вуаль,
 Теперь для творчества проснулась.
 О, город братства, ты – скрижаль,
 Разбитая случайной пулей.

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

поэма

До свиданья, Луна.
 Ночь-подруга, прощай.
 Отшумела война.
 Пробудился мой край.
 Здравствуй, Солнца восход,
 Гений белой нови!
 Твой затворник-народ
 Стал пророком любви.

1

Сквозь облака, сквозь дымку
 Слезную последний день войны
 Удавом полз. Стонали души
 Смертных и земля гудела
 От безумных встрясок.
 В театре битв столица
 Вопросала: быть или не быть?

2

Мой дом трещал... Еще бы,
 На его смолистой крыше
 Чечетку отбивал ногами

Мятежа пожар, и падал,
 И срывался ниц на потолки,
 На стены, на балконы.
 Казнились пламенем иконы.

3

Над желтизной железных стен
 Жужжали пули, жаля воздух.
 Мое жилище, догорев сигарой
 В жестких пальцах горя,
 Обрушилось. С косою алой
 Промчалась смерть, чихая крепко,
 Слилав с небес созвездья слепок.

4

Воронье – кар! – как эхо кары взвилось,
 Коробя слух... И в кривизну кирпичную
 Закрался человеческий крик
 И скрип смертельных пуль.
 Был каждый дом крестом.
 И голым отголоском дул
 Носился кровожадный гром.

5

Недолго бушевало горе
 И месяц в огненном просторе
 Нам корчил рожицы с небес.
 Зло отползло... Война
 Зевающей пантерой провалилась
 В сон, но внешних роз страна
 По-прежнему ей сладко снилась.

6

.....сгорел мой дом.....

7

А некогда он созерцал
 Моей поэзии рождение...
 По тропам чистых чувств
 Я на коне мелодий мчался
 К четко проясненной цели...
 Но вдруг в мое окно
 Огонь - разбойник влез.

8

«Держите вора!» – закричали
 Люди, но было поздно...
 И стол мой превратился
 В пламень, пламень в стол;
 Тетрадь моих стихов
 Преобразилась в алый уголь,
 А уголь в пение огня, сонетом став.

9

.....
 Так неоконченных поэм

Оборвалась дрожащая струна.

10

Но сам я уцелел, хотя ходил
 По лезвию смертельных языков,
 Растущих из гортани клеветы,
 И были рты людские хуже дул...
 Дул знойный ветер сплетен,
 Оглушая сердце
 Жгучими бичами подозрений.

11

Прошли года... И вновь
 Я посетил свой запустелый двор,
 Не грустью по прошедшим
 Дням, а тайным голосом
 Ведомый... Пришел на улицу,
 Где детство некогда мое
 Пылало апельсинным солнцем.

12

Вот дом родной понурым
 Стариком стоит, меня не помня.
 Захожу в подъезд... Вот мой
 Порог, вот комнаты, в них:
 Сыро, серо, сор соседский
 И печать великой ссоры.
Кричит о горе тишина.

13

Ошиблась шалая душа,
 Решив, что в ветоши вещей
 Найдёт бывшего след...
 Горбатый дом покрылся
 Гробовым молчаньем.
 Что здесь искать средь
 Срезов тусклых стен?

14

Зависли слезы на глазах,
 А на карнизах – лозы...
 «Назад! – себе я приказал. –
 Достаточно глазеть на пыль
 Трухлявой были...» Как вдруг увидел
 Серебристый куст, пробившийся
 Средь черных куч металлолома.

15

Так это ж верба!

.....

16

А помнится, что здесь
 Стоял мой книжный шкаф

Лиловым бегемотом
 И зев свой широченный
 Открывал, когда
 Я брал с тяжелых полок
 Сочащиеся светом сочиненья.

17

И вот теперь на этом
 Месте развернулась верба,
 Макушкою ствола цепляя
 Облака. И дерево, качаясь
 На ветру, ко мне навстречу
 Протянуло ветви, – жест дружбы это,
 Это – вещий знак.

18

Запело сердце... С уст моих
 Слетело восклицание: «О, верба,
 Верю я, что вестницей весны
 Ты явлена приветствовать поэта.
 Звони! Ты – колокол.
 Звони, атаки отражая
 Льдистых снов!

19

Ты не мираж, а мирра
 Почвы, видит Бог...
 И на тебе печать тысячелетий...
 О вербном воскресенье
 Твой древесный зов...
 Как лучезарно тонок он!
 Он – отзвук Нового Завета.

20

Тетрадь моих поэм, я верю,
 Не сгорела, но семенем
 Словесным став, преобразилась
 В дерево стихов. Я – человек,
 Ты – дерево. Но вместе
 Пишем мы ДЕКАДУ ВЕСТИ.
 Спасибо, верба...

ИЗ КНИГИ «ШЕКИНА НА КАВКАЗЕ»

ПОЛИДЕВК

Бурлило море кипятком
 Под веслами «Арго», и волны
 Вдруг стали сладким молоком,
 Предчувствием глубоким полны,
 Вобрав сквозь сон вселенский гром.

«Владыка гор, Ээт, не прав ты,
 Что спрятал дивный дар на дно. –
 Пропели дружно аргонавты. –
 Верни священное руно...»

Скрипела мачта, гнулось древко
 Под ветром воли роковой.
 И озарило Полидевка
 Виденье... В дымке голубой

Он созерцает берег странный,
 Людей на бронзовых конях.
 Там, Кастор, брат, смертельно ранен,
 Лежит недвижно... Дым и страх

Сковали алой цепью сушу..
 Тогда воскликнул старший брат:
 «Я ветхий мир до дна разрушу.
 И в третий день, создав ягнят,
 Явлю бессмертной жизни душу!»

ПРИМА СТА – ЗАСТУПНИЦА АПСНЫ

Я возвещаю: «Побежден разлад,
Абсурд тщеславья сокрушен на веки,
Низложен диких разночтений ад
Зеркальной Славой... Где, абреки,
Вас оттеснивший частокол преград?

Ветра войны отбиты...
Развязана петля...
Проснись, моя Земля,
Адамова обитель.

Кипела Гумиста,
Под свистом пуль вздыхая.
Была река густая
Подобием креста.

Голгофою Эшера
Раскачивала твердь...
Но победила смерть
Народной воли вера.

И Я сошла в Афон
По белым нитям света,
Творя зари бутон,
Бессменный праздник лета
Под колокольный звон.

ЗНОЙНЫЙ ЯНВАРЬ

Это чудо от Солнца бежать
В январе, изнывая от зноя
И вещать, и вещать, и вещать
О прилете грачей... Вдруг без боя
Отступила зима, на кровать

Опрокинулось лунное чадо,
Исчезая во мгле в полусне
За морскою чертой. Это ж надо
Объявиться неожиданно весне,

Удивляя озябшую землю,
Пробужденные горы, сады.
В этот миг восклицаю: «Приемлю
В самый полдень рожденье звезды!»

Я ведь тоже как путник неожиданный
Постучался в чужое окно.
Чудной вестью, как сон многогранный,
Удивить мне хозяев дано.

Это Весть о рожденье светила
В центре облака, в центре небес.
Снова радуга взоры сплотила
Изумрудным признанием: «Есть
Воскресения мудрая сила!!!»

МИФ О ПЕРВОМ ЧЕЛОВЕКЕ

«А» дам, первейший звук Земле
И сотворю из праха человека...
Мой Лик, раскрывшийся в ЧИСЛЕ,
Тому послужит лучшей вехой,
Лучом любви в подлунной мгле.

Во Имя вечного добра
Я повелю вращаться кругу...
Воскликну: «Друг, вот из ребра
Я изваял тебе подругу!

Живи, веселая чета,
Читая новый зов природы.
Сбылась эфирная мечта
Явить знамение свободы.

Я водрузил в Стране Души
Свой стяг (нет, два пурпурных стяга).
Мой Человек, пожар туши
Кристалльной песней вдоль оврага.

Имею СЛОВО... Сотню слов
Полузабытых, полусонных,
Что стали опереньем сов.
И ты в стихах своих бездонных
Взрастишь вдруг Дерево основ!»

ПРОБУЖДЕНИЕ СИМВОЛА

Из тьмы веков, из тьмы противоречий
Пробился Символ, неземная речь,
Чтоб примирить торжественную вечность
И бесконечность времени, чтоб меч
Вражды кляня, проснулась человечность.

Остановил войну Владыка сил
Не танками, а пробуждением Вести.
Ты осужден, тщеславный Абрскил,
За то, что стал певцом тлетворной мести.

Так презирающий надменно страх,
Ты погасил светильник тихой веры...
И вот твой жребий: в ржавых кандалах
Сойди под своды сумрачной пещеры.

И будешь исступленно вопрошать
Об огненной свободе без ответа,
Пока не сокрушится в душах татъ
Под утренним созвездием поэта.

Из тьмы веков, из тьмы противоречий
Пробился Символ, неземная речь,
Чтоб примирить торжественную вечность
И скоротечность времени, чтоб меч
Вражды кляня, проснулась человечность.

НОВОГОДНЯЯ ЕЛКА

Прошел февраль... И южная зима
 Перелистала серых дней страницы.
 Проснулась обветшала хурма
 И, душу собирая по крупицам,
 Прошелестела: «Отступила тьма...»

Но чудо в том, что спиленная елка
 Осталась жить, не превратилась в прах,
 И ни одна нарядная иголка
 Не пожелтела на ее ветвях.

И я сказал, прекрасно удивленный:
 Древесная красавица, живи!
 Ведь твой убор торжественно-зеленый
 Есть знак неувядаемой любви.

Жила в лесу... Теперь же сад фруктовый
 Тебе послужит цитаделью снов...
 Лимонный хор, воспеть Творца готовый,
 Распространит твой хвойный зов.

Примись в сырой земле! Примись со звоном
 Наперекор дыханью сохлых зим.
 Приду к тебе в тоскливый час с поклоном
 И вспомню, светлой памятью храним,
 Как назвала ты смерть – былым законом.

ПЛАЧ СКАЛЫ

Плачь, скала, плачь, поминая бойцов,
 Что распялись ветрами раздора.
 Не ищи у разброда лицо,
 Складной песни – у дикого хора,
 Заглушившего стоны отцов.

Я поверил поющей душою,
 Что разжалобить можно гранит,
 Коль дышал он людскою бедою
 И сердечные крики хранит.

Плачь, скала, плачь, заливаясь ручьями
 Над холодной надгробной плитой.
 Это Лета творила воздушные ямы,
 Совещаясь в ночи с Гумистой.

Захмелевший зенитчик, шатающий горы,
 Вертолет звоном смерти пронзил...
 И парили орлы, разрезая просторы
 Красной бритвой расправленных крыл.

Плачь, скала, плачь, осудив преступленья
 Как ненужный безбожный пожар.
 Хоть и тлеют распутства поленья
 И противник отверженный яр,
 Не поставить скалу на колени!

КОЛЫБЕЛЬ ВЕЩЕГО ОГНЯ

Пришла победа, но какой ценой?
 Кругом следы последнего распятья.
 И принимает лед и зимних будней зной
 Природа в распростертое объятье.
 Охвачена земная твердь войной.

Неправых нет и правых в этом мире,
 Но есть тоска по твердому пути.
 Звезда Творца, играя гимн на лире,
 Смогла в полдневном небе расцвести.

Предчувствую Огонь великой Встречи,
 Способной падший мир в одно собрать,
 Ведь тщетно вестнику Лица перечит
 На языке распада дерзкий тать.

В Стране Души прошелестело Слово,
 Играя кронами акаций на ветру,
 Где только, что парила смерть сурово,
 Зовя на бис войну, свою сестру.

На танец чаек я ответил одой,
 Прозрачной одой к МАТЕРИ ЛЮБВИ.
 ВЛАДЫЧИЦА, божественной природой
 Отмечен лик Твой. Жизнь благослови
 И освяти сердца людей свободой.

УТЕШИТЕЛЬНОЕ СЛОВО К РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Склонилось Солнце новое к садам,
 Цепляя шлейфом дерн в глухом овраге.
 Подобно оголенным проводам
 Слова поэта вьются по бумаге.

Страна Души, мой одичалый край,
 Из комы выйди! Вести урожай

Созрел над мандаринными морями,
 Звоня в зеленый колокол ветвей.
 Страна Души, живу судьбой твоей,
 В потемках обходя сырые ямы.
 Еще твой дух наполнен злыми снами
 Язвительной губительной войны.
 Мы виноватые с тобою без вины
 За то, что реет голубь мира с нами.

Подобно оголенным... Прав Адам,
 Построивший из чисел славный Храм

На берегу священного Кавказа,
 Где Символа отточится кристалл
 И будет тверже белого алмаза,
 Надежней, чем магическая сталь.

ИЗ КНИГИ «МЕД ПОЭЗИИ»

ВЕЧЕРНИЙ САД

Вечерний сад... Магнолии, как свечи,
Зажглись от потухающих лучей.
Чуть ветреный неповторимый вечер
Несет прохладу лиственных речей.

Случайный луч прорезался из тучи,
Звения на кронах серебром зари.
Мигают светлячки на мшистых сучьях
В соборе сада, света – звонари.

Покрыты бронзой вековые липы,
Вобравшие в кору укору зорь.
Их ветви – заколдованные скрипки,
Стволы – древесных откровений хор.

Достичь эфира нелегко растениям,
Что пьют так жадно золото небес.
Иду во мгле под кедровые тени
Творить под утро пробужденья песнь.

«Кем стану я в грядущей жизни, Боже?» –
Созрел вопроса плод на стеблях губ.
Вдруг веткой указал на свет дорожный
По-человечески смотрящий дуб.

ЧУДО ВОД

Приветствую тебя всем сердцем, море,
Волшебной бирюзы густая дрожь!
Твоим прибрежным нежным песням вторя,
На рокот волн мой вещий слог похож.

В твоих безумных штормовых разбегах
Я ритмы узнаю тяжелых строк.
Глагольною волною, впившись в берег,
Ведет мое перо незримый рок.

Незримый рок! Приливов ярый рокот!
Исполнились морским огнем стихи.
Пророческий порыв, воззваний грохот
Взыграл, как эхо ветровых стихий.

Спасибо, море! Вскинув вверх ладони,
Ты проложило мне песчаный путь!
Бегу меж волн, спасаясь от погони.
Все вражьи рати волны погребут.

Достигну я обетованной суши
И память сохраню о чуде вод,
Мои поэмы – солнечные души.
Язык поэзии – святой народ.

МОРСКАЯ МОЛИТВА

Владычица, испив мелодий мед,
 Обрел я вдруг молитвенное слово.
 Прошу не за себя... Апсны народ
 Волна смятенья поглотить готова.
 Нас поманила тьма на вираже
 Зевотой гор болезненно овражной,
 И в этом камнепадном мираже
 Пред нами прокатилась ругань вражья.
 Я знаю... Ты не выдашь этот край
 На откуп новый разъяренным *сворам*.
 Не говорю: *их рати покарай!*
 А тихо молвлю: *нет былым раздорам*,
 Над Черным морем белых чаек рой,
 Вникая в рокот бурного прибоя,
 Берет аккорд и хоровой игрой
 Внушает волнам музыку покоя.
 И в унисон хоралу славных птиц
 Я заклинаю пепельные воды:
 «На струнах стройных штилевых цевниц
 Сыграй о, море, арию свободы!»

ИЗ КНИГИ «ПОЭЗИЯ ПЯТИДЕСЯТОГО ДНЯ»

СТРАНА МИМОЗ

В стране мимоз расцвел поэт,
 Звения словесными цветками.
 Пропел вдруг пастырем планет
 В руках Творца прозрачный камень.
 Страна мимоз, ты – колыбель
 Зеркально-песенных прозрений,
 Творящих воскресенья трель
 Над бездной диких разобщений.
 Здесь каждый куст и даже кряж
 Стихи слагает о свободе,
 Ведь лунный талый свет – мираж
 На изумрудном небосводе.
 Здесь каждый кипарис – солдат
 С подбитой от осколков кроной.
 Оделось озеро в закат,
 Уснув под лунною короной.
 В тиши разрушенных домов
 Из окон, из дверей разбитых
 Пробился вдруг древесный зов:
 «О люди, Землю-Мать любите!»
 Из пепелищ, роняя тень,
 Вновь к жизни вызвались мимозы.
 На их ветвях вдоль мрачных стен
 Набухли золотые звезды.

Мне эти ветви из щелей
Внушают торжество творенья.
И вторю им: «Проснись, Орфей,
Всемирной песней возрожденья!»

ПОСЛЕДНЕЕ ПРОСТИ

Проплачет ива пепельной листвою,
Доверив тайну тонкой грусти устью.
О, дерево, безмолвный голос твой
Есть в тот же миг лирическое чувство.
Я тоже нем... Но в этой немоте
Таится звон неслышного воззвания.
Душа застыла на немом кресте,
Чтоб выронить последнее признание.
Последнее *прости* сказать земле
Пред новым пробужденье – долг извечный.
Потонет алый свет в безбрежной мгле,
Но примет стяг надежды месяц встречный.
Понять ли устью ивовую грусть
В просторе постоянных нареканий?
С морских мятежных своенравных уст
Летят вопросы каменных исканий.
Но ясен мне осенний плач аллеи,
И смех речной, и моря завыванье.
Я взял огонь с лирических углей,
Чтоб вызвать к жизни Корень расцветанья.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ

Весны чудесней лишь весна
 Еще младенческого чувства.
 Приснилась алая весна
 Снегами скованному устью.
 Сорок считает у окна
 Хурма, покрывшись мшистой грустью.
 С постели сна привстав, сосна
 Прогнула спину, веткой хрустнув.

Я просто есть, как небо есть,
 Как есть лазоревое море.
 Оттенков чистых чувств не счесть,
 Но лучший – вешний луч в просторе.

Весны предчувствие... Оно
 Мне все же слаще летних песен.
 Морозной свежести вино
 Стекает с чанов туч небесных.
 В водовороте зимних дней
 Тоска по огненной свободе
 Во мне рождается острой
 И говорю в тот час природе:

Я просто есть, как небо есть,
 Как есть лазоревое море.

Оттенков чистых чувств не счесть,
 Но лучший – вешний луч в просторе.

Восстав на пепельную тень,
 Я чувствую, что новым словом
 К зениту подгоняю день
 И солнце в сумраке лиловом.
 Призыв мой к яблоне: «На – день
 Наряд весны, наряд свой новый...
 Приду под розовую сень
 Твоих цветков, дыша любовью!»

Я просто есть, как небо есть,
 Как есть лазоревое море.
 Оттенков чистых чувств не счесть,
 Но лучший – вешний луч в просторе.

В ГОРАХ

Водопад разрезая вдоль кручи,
Вверх несется стрелою форель...
А на небе ни ветра, ни тучи,
Лишь зари бирюзовой пастель.

Помню эти альпийские выси
Над лесами, над реками Псху.¹
Или только я грезился рыси,
Только снился в те дни пастуху?

Сновидения тонкие нити
Прогорели в рассветном костре.
Я хотел бы еще раз присниться
Тем зеленым хребтам на заре.

Помню, пел мне целебный источник
Несравненную песню горы...
И просил я, готова подстрочник,
Этот ключ: «Повтори, повтори...»

Голос рек... Водопадная ода
Пробудила во мне звонаря.
В самом центре, во тьме небосвода
Зародилась спасенья заря.

¹ Псху – горное село в Абхазии

Водопад разрезая вдоль кручи,
Вверх несется стрелою форель...
*Вопреки обстоятельствам, лучник,
Попади песней Истины в цель!*

РОВЕСНИК ВЕЧНОСТИ

Пицунда. Храм. Орган играет.
Здесь Баха тень, здесь Баха дух
Священным отголоском рая
Заворожил свободный слух,
Огнем эфирным загораясь.

Здесь вещий Бах, здесь вещий Бог
На тонких клавишах танцуют.
Семь нот, прозрачных недотрог
Они сонатами целуют,
Провидя времени итог.

Стал органист последней нотой,
Аккордом гаснувших веков,
Горя торжественной заботой
Творить без фальши вечный зов
И сердце освятить свободой.

Смеется Бог, смеется Бах,
Друг другу пожимая руки.
Зардели розы на губах,
Как новых песнопений звуки,
Как пламень музыки в стихах.

Пицунда. Храм. Я полон силы
Со сцены славить сущий свет.

Меня вдруг стены те спросили:
«Не ты ли новых зорь поэт?
Ровесник вечности, не ты ли?»

И снова музыки волна
Накрыла фугами сознание...
И струнным пламенем она
Вдруг разрослась в поток воззвания,
В гремящий океан огня.

ИЗ КНИГИ «БЕССМЕРТИЕ». ТРАНСМИФЫ

АМИРАН

1

Был воздух Кавказа прогрет
Хоралом под звуки гобоя:
«Пылает вулканом побед
Великое сердце героя!

Родился, как грозный вулкан,
Владыкою гор Амиран!»

Взыграла душа аксакала
Вином, нагнетая войну,
Безумного бунта вину,
Ощерив тщеславия жало.
И яро, и остро, и шало
Разил он, как ангел, врагов,
Пугая задумчивых сов
И змей, обвивающих скалы.

И скоро, победы любя,
Решил сей герой про себя:

«Я лучший из лучших, бесспорно.
Мне Суций за брата сойдет!»

И стал он душой непокорной
Дразнить золотой небосвод.

Творец же из белых высот,
Дивясь этой речи задорной,
Воскликнул: «Мне имя – Господь!
Я – корень гармонии горной.

Наивна твоя похвальба,
Ослушник. С Владыкой борьба

Гордыней тебя обуздала!»
И лязгнули кольца оков
На дланях героя... И кровь
По склону ручьями стекала...
Душа закипала... и пала
В агонию, смерти волну
Нагнетая... Но вечному сну
Денница крыла обрезала...

И беркут, облекшись в туман,
Пил кровь из проклеванных ран

Под рокот морского гобоя.
И ругань, страдальческий бред
Вдруг эхо, утроив средь зноя,
Мучения сеяло след.

2

Был воздух Сухума прожжен
Отравленным жаром разброда.
Ни старцев, ни плачущих жен
Война не щадила... Свобода,

Теряя испытанный путь,
Готова была потонуть

В потоке народного страха.
Явился с востока «герой»,
Ступая по трупам горой,
В свинцовой пунцовой рубаше.
Герольдом кровавого краха
Он песню победную пел...
И сотнями скошенных тел
Покрылась вдруг площади плаха.

Смеялся захватчик тогда:
«Взошла моей славы звезда!

Я! Я! повелитель Кавказа». –
И резал он почвы стекло
Багровою гранью алмаза.
Но рухнуло зло... Повезло

Достойным... Вдруг Солнце взошло,
Светя окрыленным абхазам
И в жгучей ночи расцвело
Всевышнего чудным указом.

УДАЛЕНИЕ СЛАВЫ ГОСПОДНЕЙ ИЗ ИЕРУСАЛИМА

1

ГОЛОС НАД ИЗРАИЛЕМ

Ефрем, я ныне облакаюсь в гром!
Ты будешь пуст и обездолен.
К чему платил Творцу ты злом,
Строптивой непреклонной волей?

Не Я ли был твоей скалой,
Твоим источником в пустыне?
Назвав тебя любимым сыном,
Не Я ли в буре огневой
Ковал тебе венцы и Свой
Закон явил чрез Моисея?
Чем тверже зов Мой, тем быстрее
Летишь ты ниц хмельной звездой.

И вот Я слышу плач Иуды.
Обугленных построек груды

Стоят теперь в Моих глазах.
Разруху вижу с небосклона.
И этот чад несчастья, крах

Навел рукой Я Вавилона...
И капли крови в облаках

Застыли поднебесным плачем.
Молитвы в воздухе горячем

Смешались с бранью... Вот итог
Сердечной боли, воли вздорной.
Внемли мне, отрок непокорный.
Я – Яхве, изначальный Бог.
Разбив твоих царей чертог,
Разрушив пышный храм на части,
Духовной Я лишаю власти
Иуду... Но возвысив рог,

Я Словом в бок толкну планету
В иные дни: «Жив Царь любви!»
И призову весь мир к Завету,
Как зодчий солнечной нови.

2

СТРАНА ДУШИ

И после этого видел я: вот, собралось великое множество людей, которым не было числа, от четырёх ветров небесных, чтобы преодолеть этого мужа, который поднялся с моря.
Видел я, – и вот, он изваял себе большую гору и взлетел на неё.
Я старался увидеть эту страну или место, откуда изваяна была эта гора, но не мог.

Третья книга Ездры. Гл. 13.: 5, 6, 7

Семь раз клонила ночь просторы
Ко сну, коснувшись звезд челом...
И разделил моря и горы
Народам Бог святым мечом.

И пало в Землю Божье семя,
Творя огнем и тьмою время.

И строй веков под песнь и вой
Обвил собою твердь сырую.
И эту плоскость роковую
Кромсали люди булавой,
Стяжая жребий жизни свой.
И лишь абхаз без нив, без скал
Свой век в пустыни коротал,
Не зная музыки морской,

Не зная букв, и высшей веры.
Но взором Бог рассек пещеры

И Ангела огня спросил:
«Скажи, мой спутник златоокий,
Когда я людям мир делил,
Где был абхаз? К чему жестокий

Он за народ свой одинокий
Прошенья голос не явил?»
И внял Творец ответ высокий:
«Владыка Сущий вечных сил,

Я звал старейшину для меры.
Всё выслушав тот муж у двери,

Сказал мне: «Прежде гость ты мой!»
И рог с младым вином подал,

Здоровья, долгих лет желал...
 И опоздал!» – «Но мир земной
 Я весь раздал! – рек Царь святой. –
 Но стой! Я вновь огнем подую
 И из души Своей крутую
 Воздвигну сушу, брег морской.

Пусть там влачит Завета бремя
 Абхазов пламенное племя.

Но ныне Лик Мой под венцом
 Не будут видеть смертных взоры.
 Я часть Себя отдал в ином...
 Вином забрызжут в душах споры.

РОЖДЕНИЕ САСРЫКВЫ

1

Охватило кремнистое тело
 Оголтелого чувства вина...
 Задышала скала, застонала
 Словно дева... теперь же жена.

Кто в беременный камень поверит?
 Но явился на кромке пещеры

Четкий образ младенца, светя
 Новым Солнцем над миром печальным.
 В этот миг Сатаней прокричала:
 «Сын мой сотый! Святое дитя,
 О, не зря я, мимозой цветя,
 Золотую мечту излучала
 И просила Владыку начала,
 Чтоб любви разожглась полнота.

Сотый сын – изначальная мера.
 Где ты, ад, черной смерти химера?

Лучший лучник десницами дня
 Пустит луч... И во тьме огрубелой
 Вдруг прорежется, песней звеня,
 Всадник-вестник на лошади белой».

2

Задрожала скала, застонала
Под горячим резцом кузнеца.
Се – Земля в полумгле возвещала
О рожденье младенца-гонца.

Высек образ из камня кудесник
И воскликнул: «Таинственный вестник,

Оживи на руках Сатаней!
Заиграв неземными стихами,
Превратись, о, божественный камень,
В человека... и в колокол бей!
Славный отрок, восстань и смелей
Разожги предвозвестия пламень,
Чтоб объял он семью голосами
Семь созвездий, семь вещей семей!»

И согревшись в ладонях чудесных
Сатаней, камень жизни небесный

Стал земным отраженьем Творца,
И восславил Сасрыква кристальный
Преизбыточный корень Лица,
Славной Матери образ зеркальный.

3

«Сотый сын, – дружно пчелы жужжали,
Мне душистые соты даря, –
Что ты медлишь и прячешь скрижали
Перед новым рождением Царя?

«Сотый сын, – зашумело вдруг море, –
Ты, постигший вселенское горе,

С вешней вестью иди по волнам,
Упреждая безумье стихии...
Праздник песен услышат глухие
И придут с благодарностью в храм!»
«Сотый сын!!! – прокатились по снам
Золотые стихи ли? Слепые
Стали видеть... пропели немые:
Ныне Сущий ответствует нам!»

«Сотый сын! – соловьиные хоры
Пробудили признаньем просторы: –

Занялась всеединства заря...»
Образ Пастыря сны изваяли,
Бросив в ярую явь якоря
На кровавое днище Грааля.

ОХОТА НА ГОЛУБЕЙ

1

ИРОДИАДА

Повсюду Ирода глаза
 Рассыпаны пшеном по миру.
 Крик: можно всё! и зов: нельзя! –
 Срывают с властных плеч порфиру.

Крик: можно всё! – воззвание ада.
 Идет сквозь тьму Иродиада.

Она – столичная тюрьма.
 Заложена в ней господский норов.
 Да, власть казнит вчерашних воров,
 Но завтрашних взрастит сама.
 И сходит дикий мир с ума
 В круговороте знойных танцев.
 И рукоплещет самозванцам
 Ладонями созвездий тьма.

И это танго с ярой смертью
 Пророков в черный час завертит,

Бросая в ямы их, где львы
 Заключат узников в объятия,

И капли праведной крови
 Плясуньи упадут на платье.

2

СЛЕДЫ ВОЙНЫ

Чем выше небо, тем простор прозрачней, голубей.
 Охотник голубей под дубом жадно поджидает
 И молвит соколу: «Смотри, мой друг, я гол, убей
 Мне дичь. И птица над хозяином взлетает.

Голодный сокол нагнетает страх, борьбу
 В глуши высот. Давно отменено табу

На белых вестников... Вот средь воздушных ям
 Пикирует сапсан... и падающий камень
 Хватает жертву мертвыми тисками,
 И перья смерч несет по алым облакам.
 Я обращаюсь к тем, кто по людским следам
 Крадутся львами в крашенных беретах:
 Остановитесь! Там над вами в кабинетах
 Сидят охотники и бегают по их рукам

Указы желчные. Раздув в ночи войну,
 Они разделят яро по частям страну.

И бойни алчные отцы, содрав с медведя шкуру,
 Уйдут в берлоги, жир свой по земле влача.
 За их же спинами солдат, глядя чрез амбразуру,
 Огонь откроет по приказу палача.

ЭПИЛОГ

1

РОМАН

Единства огненное Слово
 Ты назвала, являя свет.
 Ты – Матерь мира, Ты – основа
 Семи даров... Атлетом лет
 Взыграло славно солнце Зова,
 Творя лирический роман.
 Вот это слово: РАМА ДАН.

2

ОМ

И прогремел вдруг яро гром:
 «Я – песня Ста, Я анаграмма!
 Не состязайся, мир, с Творцом,
 Который сбросил с трона Хама!»
 Под вешней Вестью, под венцом
 Собралось Имя воскресенья,
 Являя новых весен звенья.

3

СОФИЯ

Я знаю, Ты – любви ветрило,
 Премудрость, в сумраке морском,
 Народы истиной сплотила,
 Воздвигнув вечной жизни дом.
 София, вестнику открыла
 Ты полноту Своих имен,
 Чтоб братства суть восславил он.

4

СТО

Узнал, узнал извечный корень
 В прозрачном зеркале гонец,
 Как звонкий зов, как отсвет горний,
 Как пробуждения венец...
 Я стал творить... Мой труд упорный
 И легкий, как лебяжий пух,
 Сплотил с Землей эфирный дух.

5

И

Вновь Путь Творца облекся в звук,
 И бездна отразилась в бездне...
 Вновь времени крылатый круг,
 Рожденный песнею созвездий,
 Раскрылся в хороводе рук.

На гребне солнечного вздоха
Проснулась новая эпоха.

6

Я

Забыв себя, я вспомнил меру Лика
И путь, ведущий к Матери ОГНЯ.
В подлунных сферах, в странствии великом
Хранил Исток из века в век меня.
И так сказал мне Имени Владыка:
«Я прочитал твой вещий труд с моста...
ВОИСТИНУ, МНЕ ЛЮБ ТВОЙ СИМВОЛ СТА!»

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе..... 3

ПРОЛОГ

Поэт и держава 13

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СТИХИ О РОССИИ

ИЗ КНИГИ «РУСЬ ЗЛАТОГЛАВАЯ»

Нить единства 18
Исцеленье земли..... 19
В музее андрея белого 20
Вестник в столице 21
Народ-богоносец 22
Перед памятником Достоевскому 23
Перед памятником Гоголю 24

ИЗ КНИГИ «БЕССМЕРТИЕ». ТРАНСМИФЫ

Русское солнце. П о э м а..... 25

ПРОЛОГ. Арест соловья..... 25
ГЛАВА 1. Вихре(вой) свист соловья 32
ГЛАВА 2. Предупреждение соловью..... 36
ГЛАВА 3. Ураганный свист соловья..... 40
ГЛАВА 4. Грозовой свист соловья 44
ГЛАВА 5. Огненный свист соловья 48
ГЛАВА 6. Умопомрачительный свист соловья 52
ГЛАВА 7. Залихватский свист соловья..... 56
ГЛАВА 8. Арест соловья..... 60
ГЛАВА 9. Заря золотого века 64

Вавилонская башня	68
Симфония пророчества	71

ИЗ КНИГИ «ТВОРЕНИЕ – ТАИНСТВО ВОСЬМОЕ»

Поэт берез. <i>Сергею Есенину</i>	74
К «Божественной поэме» Скрыбина	76
Орфей. <i>Вячеславу Иванову</i>	78
Венок сонетов	79

К БЛОКУ

К державной невесте	88
Посвященная	90
Андрей белый к другу	91
Ответное письмо	92
Марш двадцати четырех. <i>Поэма</i>	93

К ПУШКИНУ

Солнце русской поэзии	113
В гостях у поэта	115
Возрождение	117
Гимн творчеству	118
Битва за слово	120
Пророк	122
К поэту-гонцу	124
Памятник	126

К НИКОЛАЮ РЕРИХУ

Илья Муромец	127
Соловей-разбойник	130
Знамя грядущего	131
Майтрейя-победитель	132

Держательница мира	133
Звезда героя	134
Приказ ригден-джапо	136
Ангел последний	137

ИЗ КНИГИ «АНДРЕЕВСКИЙ СТЯГ»

Sos. Памяти «Курска»	139
Андреевский стяг	141
Россия	143
Орфей-исповедник. <i>Поэма</i>	145
Договор	162

1. Апсны	162
Творец	163
2. Египет	163
Творец	163
3. Израиль	164
Творец	164
4. Индия	164
Творец	165
5. Китай	165
Творец	166
6. Эллада	166
Творец	166
7. Рим	167
Творец	167
8. Исламская азия	167
Творец	168
9. Россия	168
Творец	168
10. Объединенный мир	169
Творец	169

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СТИХИ ОБ АБХАЗИ

ИЗ КНИГИ «КАВКАЗ – ХРАНИТЕЛЬ ТАЙНЫ»

Обетованный край	173
Эхо войны	174
Кавказ – хранитель тайны	175
Юдоль плача	176
На озере рица	177
В ботаническом саду	179

ИЗ КНИГИ «ГРОЗОВЫЕ СЛЕЗЫ ОТЧИЗНЫ»

Славная память. Александру Бардодыму	180
Оазис бога	182
Ветер угроз	184
Плачущее море	186
Молитвенный сонет	187
Город, встречающий рассвет	188
Жало смерти	190
Пальма	192
Схватка за город братства	194
Предзнаменование. Поэма	196

ИЗ КНИГИ «ШЕКИНА НА КАВКАЗЕ»

Полидевк	203
Прима ста – заступница Апсны	204
Знойный январь	205
Миф о первом человеке	206
Пробуждение символа	207
Новогодняя елка	208
Плач скалы	209
Колыбель вещего огня	210
Утешительное слово к родной земле	211

ИЗ КНИГИ «МЕД ПОЭЗИИ»

Вечерний сад	212
Чудо вод	213
Морская молитва	214

КНИГИ «ПОЭЗИЯ ПЯТИДЕСЯТОГО ДНЯ»

Страна мимоз	215
Последнее прости	217
Предчувствие весны	218
В горах	220
Ровесник вечности	222

ИЗ КНИГИ «БЕССМЕРТИЕ». ТРАНСМИФЫ

Амиран	224
Удаление славы господней	227
Из иерусалима	227
Олос над израилем	227
Страна души	228
Рождение сасрыквы	231
Охота на голубей	234
Иродиада	234
Следы войны	235

ЭПИЛОГ

Роман	236
Ом	236
София	237
Сто	237
И	237
Я	238

Роман Барабаш

ВСАДНИК НА БЕЛОМ КОНЕ

*Редактор Е. В. Шония
Корректор Е. В. Шония
Художник А. Барабаш
Верстка Н. Гунба*

Формат 84x108 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Физ. печ. л 7,625. Усл. печ. л. 12,81.
Тираж 100. Заказ №26.

Республика Абхазия
РУП «Дом печати»
г. Сухум, ул. Эшба, 168

2. Р. Барабаш	14. Р. Барабаш	2*	
			16*
		3*	
3. Р. Барабаш	15. Р. Барабаш		17*
		4*	
4. Р. Барабаш	16. Р. Барабаш		18*
		5*	
5. Р. Барабаш	17. Р. Барабаш	6*	19*
			19*
6. Р. Барабаш	18. Р. Барабаш	7*	20*
		8*	
7. Р. Барабаш	19. Р. Барабаш		21*
		9*	
8. Р. Барабаш	20. Р. Барабаш	10*	22*
			23*
9. Р. Барабаш	21. Р. Барабаш	11*	24*
			25*
10. Р. Барабаш	22. Р. Барабаш	12*	
11. Р. Барабаш	23. Р. Барабаш	13*	
		14*	
12. Р. Барабаш			
		15*	
13. Р. Барабаш			